

А. Б. Петрищевъ.

PETRISHCHEV

TRISTA LET

ТРИСТА ЛѢТЪ
1606—1906.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

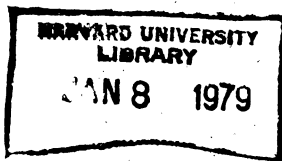
1906.

WID 2C
DK
42
P37
1906
✓

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Глава первая.—До смутного времени	3
Глава вторая.—Смутное время	10
Глава третья.—Михаиль Фодоровичъ и Алексѣй Михайловичъ	16
Глава четвертая.—Петръ Великій	24
Глава пятая.—Наслѣдники Петра I.	30
Глава шестая.—Петръ III и его супруга	35
Глава седьмая.—Павель Петровичъ и его дѣти	44
Глава восьмая.—Интеллигенція и народъ	53
Глава девятая.—Борьба изъ-за конституціи	61
Глава десятая.—Временное торжество самодержавія	67
Глава одиннадцатая.—Начало революціи	74

78*2

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

До смутнаго времени.

До сихъ поръ сохранилось въ народѣ преданіе, что въ старыя годы „земля была свободной“, всенародной, никому не запрещалось селиться на ней и обрабатывать ее, князья же призывались лишь для порядка и для защиты отъ внѣшнихъ враговъ. И это правда. Дѣйствительно, когда-то считалось, что „земля—народу, а князья для порядку“. Но такое устройство жизни было очень давно. И оно окончательно исчезло, когда Россія была завоевана татарскими ханами.

Татарскіе ханы, называвшіе себя также царями, объявили всю русскую землю своею собственностью. И въ качествѣ собственниковъ они раздавали патенты, или ярлыки, на временное пользованіе тою или другою областью. Такой ярлыкъ старались получить прежніе князья, уцѣлѣвшіе отъ войны съ ханомъ, или ихъ дѣти. По старой привычкѣ они и назывались князьями. Но это были уже не прежніе князья. Прежній князь устанавливалъ порядокъ и командовалъ войсками. Такова была его главная обязанность. Человѣкъ же, получившій отъ хана ярлыкъ, хоть и назывался княземъ, но былъ прежде всего арендаторомъ ханскихъ земель. Его главною обязанностью было: наложить на жителей оброкъ за пользованіе ханскою землею, собрать этотъ оброкъ, и при томъ собрать въ такомъ размѣрѣ, чтобы можно было и татарамъ заплатить аренду, и чтобы себѣ за хлопоты осталось. Такъ появились арендаторы земель тверскихъ, рязанскихъ, владимірскихъ, московскихъ, называвшіе себя князьями.

Въ первое время арендаторы порою получали отъ хана не только ярлыкъ, но и войско. Если жители не платили княжескому слугѣ оброка, князь-арендаторъ посылалъ противъ нихъ отрядъ татаръ. Татары раздѣвали неплательщика до-нага и били на площади кнутьями. Били медленно, не торопясь, въ теченіе нѣсколькихъ дней, дабы семья избиваемаго имѣла время распродать или заложить имущество и уплатить оброкъ. А если никто не могъ внести оброка, то

неплательщика засѣкали на смерть. Такой способъ взыскивать оброкъ сталъ называться правежомъ. Когда князья-арендаторы разбогатѣли, они уже не нуждались въ татарскомъ войскѣ, а нанимали свое. Да это было и выгодноѣ, ибо командированные ханомъ татары чувствовали себя завоевателями, требовали большого жалованья, держали себя дерзко; свое же войско было гораздо смириѣе, послушнѣе и стоило дешевле. Обычай же ставить недоищика на правежь сохранился на много сотенъ лѣтъ. Еще и теперь во многихъ мѣстахъ полиція взыскиваетъ съ крестьянъ подати розгами. Говорятъ, что и кнутъ до татаръ въ Россіи не былъ извѣстенъ, и что именно татары научили сѣчь кнутьями, не только животныхъ, но и людей.

Сначала ханы отдавали землю нѣсколькимъ арендаторамъ. Но впоследствии они нашли болѣе удобнымъ имѣть дѣло съ однимъ. Такимъ единственнымъ арендаторомъ всей русской земли сталъ московскій князь. Чтобы не лишиться ярлыка, московскіе князья исправно платили хану аренду и задабривали ханскихъ женъ и вельможъ щедрыми подарками. Когда князь умиралъ, то въ орду ѣхалъ его старшій сынъ съ поклонами и „поминками“, т. е. подарками, и отъ задобреннаго хана получалъ ярлыкъ. Такимъ образомъ аренда „ханскихъ земель“ стала наследственной, — переходила отъ отца къ сыну. Это помогло московскимъ князьямъ скопить громадныя средства.

Разумѣется, татарскимъ игомъ тяготились всѣ. Послѣ долгихъ колебаній князь Иванъ 3-й рѣшился выполнить завѣтное желаніе народа: собраны были большія силы; татары были разбиты, и частью прогнаны, частью покорены. Россія окончательно освободилась отъ татаръ. Но тутъ оказалось, что слова: „освободиться отъ татаръ“ не всѣ люди одинаково понимаютъ. Одни освобожденіе понимали какъ возвратъ къ старинѣ, къ тому устройству жизни, когда признавалось, что „земля народу, а князь для порядка“. Другіе освобожденіе понимали такъ, чтобы оброкъ взыскивать по прежнему, но хану никакой аренды не платить. На дѣлѣ освобожденіе свелось именно къ неплатежу хану аренды. До сверженія татарскаго ига обладателемъ всей земли считался ханъ, а московскій князь былъ лишь арендаторомъ. Послѣ сверженія ханскія права перешли къ Московскому князю. Онъ оставилъ тѣ же оброки и правежи, какіе были при ханахъ. Къ нему шелъ весь доходъ. И онъ уже сталъ не арендаторомъ, а верховнымъ хозяиномъ и обладателемъ всей земли. Земля стала собственностью Московскаго князя. Сообразно съ этимъ уже Иванъ Третій сталъ называться царемъ. Внукъ его Иванъ 4-й, прозванный Грознымъ, окончательно принялъ царскій титулъ.

Однако, Иванъ Грозный еще не могъ распоряжаться землею.

Напримѣръ,—хотя цари и объявили своею собственностью землю въ вывѣшней Архангельской и Вологодской губерніяхъ, однако, тамошніе жители-земледѣльцы упорно считали эту землю своею, народною собственностью. Кромѣ того, были прежніе князья и бояре, которые еще въ татарскія времена хотъ и перешли на службу къ московскому князю, но удержали за собою доходъ съ тѣхъ мѣстностей, гдѣ они раньше жили. Раньше такихъ князей и бояръ Московскіе князья всячески привлекали къ себѣ и предоставляли имъ всякія вольности и льготы. И такимъ образомъ они оказались владѣльцами „вотчинъ“, т. е. имѣній наслѣдственныхъ, переходящихъ отъ отца къ сыну. Когда же татарское иго было свергнуто, Московскіе цари стали отнимать вотчины въ свою пользу. Одинъ только Иванъ Грозный отнялъ такихъ вотчинъ нѣсколько десятковъ. Съ этою цѣлью нѣкоторые крупные собственники были прямо таки истреблены. Такъ, напримѣръ, былъ истребленъ родъ Прозоровскихъ, Ушатыхъ, Воротынскихъ, Одоевскихъ, „понеже,—какъ объясняютъ старинные документы,—они имѣли вотчины великія“. Нѣкоторые вотчинники были помилованы только подъ условіемъ, что они не женятся и не будутъ имѣть потомства, т. е. правительство согласилось ихъ не истреблять въ надеждѣ, что наслѣдниковъ послѣ нихъ не останется и, значить, имѣніе ихъ перейдетъ къ государю, какъ выморочное.

Такимъ образомъ, уже Иванъ Грозный сталъ полновластнымъ обладателемъ почти всей русской земли. Онъ не былъ единоличнымъ хозяиномъ лишь немногихъ уцѣлѣвшихъ вотчинъ; кромѣ того, въ сѣверныхъ областяхъ народъ отказывался признать землю царскою собственностью, да еще монастыри владѣли имѣніями на правахъ частной собственности. Вся земля, за исключеніемъ монастырской и вотчинной, оказалась государевой собственностью. И только отъ государя зависѣло, куда употреблять доходъ со всей земли: на свои личныя или на государственныя надобности. И точно также отъ одного государя зависѣло, какъ получить доходъ: самому ли взыскивать оброкъ и потомъ платить жалованье и давать награды приближеннымъ и чиновникамъ или предоставить имъ такое право, чтобы они сами собирали оброкъ въ свою пользу.

Такъ какъ взысканіе оброка дѣло сложное, то весьма часто практиковался второй способъ. То есть приближенные царя, дворяне *) получали за свою службу не деньги, а помѣстья на прокормленіе.

*) Слово „дворяне“ происходитъ отъ слова: „дворъ“. Дворъ — мѣсто-пребываніе государя. Отсюда и дворяне, т. е. царская дворня, люди, имѣющіе или имѣвшіе службу при дворѣ.

Получившій такую награду назывался „помѣщиком“. Населеніе было обязано „слушаться во всемъ помѣщика, пашню на него пахать и доходъ ему платить хлѣбный, денежный и всякій, чѣмъ онъ изоброчитъ“. Такія помѣстья жаловались митрополитамъ, архіереямъ, воеводамъ, царскимъ стольникамъ, царскимъ спальникамъ и всякому иному служилому и придворному люду. Однако, цари строго наблюдали, чтобы земля не переходила въ чью-либо собственность. И лишь только служба кончалась, государь отбиралъ имѣніе себѣ. Точно также, если воевода, напр., умиралъ, то помѣстье отбиралось у его жены и дѣтей.

Такимъ образомъ, была земля царская, съ которой доходъ собирался прямо въ царскую казну; была земля помѣщичья, то есть отданная государемъ во временное пользованіе, и доходъ съ нея шелъ въ пользу помѣщика; была земля монастырская, съ которой доходъ шелъ въ монастырскую казну; были остатки земли вотчинной. Собственно же у народа, который называлъ себя „хрестьянами“ или „крестьянами“ (т. е. хрестіанами), земли совершенно не было. Все крестьянство, если не считать Архангельской области, оказалось сплошь безземельнымъ. Получилось слѣдующее: земли въ Россіи и тогда было страшно много, а народу мало; если бы только населенную землю, т. е. не считая Сибири и пустынныхъ мѣстностей, раздѣлить поровну между жителями, то на каждую семью въ 5 душъ мужского и женскаго пола пришлось бы свыше 100 десятинъ, а на семью въ 10 душъ свыше 200 десятинъ. Между тѣмъ, жить было негдѣ. Земля вездѣ чужая. Вездѣ крестьянинъ былъ обязанъ за право трудиться на ней платить оброкъ либо государю, либо помѣщику, либо монастырю. И вездѣ неисправнаго плательщика ставили на правезѣ.

Чтобъ избавиться отъ оброковъ и платежей, крестьяне убѣгали либо въ пустынные мѣста, гдѣ не было воеводъ и чиновниковъ, и гдѣ, стало быть, „царскій глазъ не видитъ“, либо скрывались въ неподчиненныя еще московскому государю днѣпровскія и донскія степи, „гдѣ царская рука не достанетъ“, и тамъ становились „вольными“ казаками. Такіе побѣги были очень убыточны владѣльцамъ. Правда, у нихъ оставалась земля. Но, вѣдь, земля сама по себѣ дохода не даетъ. Да и владѣть землею собственно невозможно, какъ невозможно владѣть воздухомъ, водою, солнцемъ, мѣсяцемъ, звѣздами. Смыслъ землевладѣнія заключается въ томъ, что „владѣльцу“ предоставлено право налагать оброкъ, т. е. присваивать себѣ трудъ человѣка, который обрабатываетъ землю. Населеніе же встарину, повторяю, было рѣдкое. Людей для обработки земли не хватало. Поэтому каждый ушедшій причинялъ владѣльцу невознагради-

мую потерю. И чтобы избѣжать этой потери, былъ предпринятъ цѣлый рядъ мѣръ. Оброкъ въ царскую казну налагался на всѣхъ жителей, и обязаны были платить всѣ, за круговою порукою. И слѣдовательно, за каждаго ушедшаго съ царской земли должны были платить оброкъ всѣ, кто остался. Такимъ способомъ государь добился, что сами крестьяне слѣдили другъ за другомъ и не позволяли другъ другу уходить. Такъ что уйти можно было только съ помѣщичьей земли. А такъ какъ людей не хватало для обработки земли, то помѣщики сами способствовали переходу крестьянъ, ибо дорожили работниками и переманивали ихъ другъ у друга. Такимъ образомъ, простое соперничество другъ съ другомъ побуждало помѣщиковъ не слишкомъ притѣснять крестьянъ и не налагать на нихъ непосильныхъ оброковъ. Но въ концѣ концовъ помѣщики сообразили, что имъ соперничать невыгодно. И, по ихъ желанію, царь Борисъ Годуновъ особымъ указомъ запретилъ переманивать крестьянъ съ одного помѣстья на другое.

Такимъ образомъ, помѣщикъ получилъ возможность налагать оброкъ по своему усмотрѣнію. Крестьянинъ же оказался вѣчнымъ недоимщикомъ и вѣчнымъ должникомъ. А такъ какъ своего недоимщика баринъ могъ поставить на правезь, то избавиться отъ мучительныхъ и порою смертельныхъ побоевъ былъ, по тогдашнимъ законамъ, только одинъ способъ: продать (себя или свою жену, сына, дочь) помѣщику въ холопы. Кто продался въ холопы, тотъ становился полною собственностью своего господина. Господинъ могъ продать холопа, убить, промѣнять, уморить голодомъ. Холопъ становился хозяйскою вещью и былъ обязанъ работать на помѣщика день и ночь. Продавшій себя помѣщику за долги попадалъ въ полную кабалу и лишался всѣхъ гражданскихъ правъ. Даже дѣти холопа считались собственностью помѣщика.

Крестьяне ясно чувствовали, что дѣло клонится къ ихъ полному закабаленію, и глухо волновались. Бояре тоже были крайне раздражены, ибо государь отнималъ у нихъ вотчины. Недовольны были и помѣщики, такъ какъ находили, что служба ихъ не обезпечиваетъ.

— Государь—говорили они—только нами и держится. Мы и народъ подчиняемъ, и на войну идемъ. И пока служишь—семья кормится помѣстьемъ. Но стоитъ заболѣть, или смерть придетъ,—твою жену и дѣтей гонять съ помѣстья.

Кромѣ того, всѣхъ давило общее безправіе. Надъ крестьянами безпощадно издѣвались помѣщики и чиновники. Мелкихъ дворянъ давили крупные. Крупныхъ дворянъ угнетали бояре. А изъ бояръ

въ свою очередь никто не былъ увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ. Государя распоряжались самовластно. Отъ пытокъ и жестокихъ казней безъ суда по первому приказанію государя не спасалъ ни чинъ, ни санъ. Иванъ Грозный, какъ уже сказано, казнилъ бояръ только затѣмъ, чтобы взять себѣ ихъ вотчины. При томъ же Иванѣ Грозномъ былъ задушенъ митрополитъ Филиппъ за то, что онъ отказался дать благословеніе палачу Малютѣ Скуратову. Жена одного чиновника стала сопротивляться во дворцѣ, когда ее насиловали. Она все таки была изнасилована, а за сопротивленіе государь приказалъ ее повѣсить въ домѣ мужа надъ обѣденнымъ столомъ. Казни шли непрерывно и безъ счета. Одинъ англичанинъ, жившій тогда въ Россіи, съ ужасомъ писалъ, что тѣла казненныхъ въ Москвѣ нарочно бросаютъ въ царскій прудъ, такъ какъ рыба, питаясь человѣчьимъ мясомъ, приобретаетъ особо нѣжный вкусъ, и потому ее ловятъ исключительно для государева стола.

Естественно, люди стали говорить, что надо ограничить столь безудержное самовластье, что нуженъ законъ и правильный судъ, дабы человѣка не подвергали казни, если онъ не совершилъ преступленія. Такія рѣчи тогдашнее правительство считало крамольными. И чтобы искоренить крамолу, усилено было шпіонство, доносничество; пытки и казни умножились. Выходило словно въ сказкѣ о томъ, „какъ исчезли богатыри“.

Въ сказкѣ этой говорится, что на богатырей: Илью Муромца, Добрыню Никитича, Алешу Поповича и всѣхъ прочихъ, когда они собрались вмѣстѣ, напалъ какой-то захудалый мужичишка съ дубиной. Богатыри шутя разрубили этого мужика пополамъ, но онъ не умеръ, а превратился въ двухъ мужиковъ съ дубинами. Богатыри разрубили этихъ двухъ, вышло 4 мужика; разрубили четырехъ—вышло 8, разрубили восьмерихъ—вышло 16, разрубили 16—вышло 32; чѣмъ больше богатыри рубили, тѣмъ больше народу становилось. Рубили богатыри отъ раннего утра, до поздней ночи, и окружила ихъ несмѣтная рать, и отъ той рати они погибли.

Такъ говорится въ сказкѣ. Такъ оно произошло и въ жизни. Сначала крамольниковъ было очень мало. Правительство казнило ихъ самыми лютыми казнями. Но именно потому, что ихъ казнили за справедливыя слова и мысли, люди убѣждались, что, дѣйствительно, нуженъ законъ и правильный судъ. И благодаря именно казнямъ, число крамольниковъ возрастало. Такимъ образомъ, чѣмъ больше усиливались казни, тѣмъ больше становилось крамольниковъ. И въ концѣ концовъ третій послѣ Ивана Грознаго царь Борисъ Годуновъ очутился какъ бы на краю пропасти.

Это былъ царь, неограниченный обладатель всей земли и неограниченный повелитель всего живущаго на ней народа. Это былъ самодержецъ: отъ него одного зависѣло, какіе законы отмѣнить, какіе ввести, онъ не подчинялся никакимъ законамъ; ему одному были подвластны всѣ войска и всѣ чиновники; онъ одинъ владѣлъ всею государственною казною, назначалъ подати; онъ одинъ распоряжался всѣми государственными деньгами, всѣми силами и средствами своихъ подданныхъ. Какъ самодержавный государь, онъ могъ дѣлать, что хотѣлъ. Его волѣ никто не могъ противиться. И въ то же время это былъ жалкій, безпомощный человѣкъ, у котораго со всѣхъ сторонъ враги и нѣтъ друга. Прежніе князья чувствовали, что они живутъ среди своего народа, у котораго можно найти и защиту и поддержку. Они безбоязненно шли къ народу и не боялись, когда народъ шель къ нимъ. Теперь государь чувствовалъ себя, какъ въ непріятельскомъ станѣ.

Такое состояніе беззащитности и отовсюду грозящей опасности было знакомо еще Ивану Грозному. И чтобъ найти защиту, Грозный окружилъ себя продажными людьми,—опричниками. Онъ надѣялся на эту наемную стражу и задабривалъ ее пышными подарками. Но Борисъ Годуновъ близко стоялъ къ опричинѣ. Онъ былъ женатъ на дочери ближайшаго къ царю опричника—Малюты Скуратова. И онъ зналъ, что опричина — слишкомъ плохая защита. Именно о Годуновѣ ходили слухи, что онъ отравилъ Ивана Грознаго, и что по его приказанію былъ зарѣзанъ въ Угличѣ наследникъ престола царевичъ Дмитрій Ивановичъ. Наемный защитникъ защищаетъ лишь до тѣхъ поръ, пока ему это выгодно. А когда онъ найдетъ, что для него выгоднѣе предать или убить, то предастъ и убьетъ. Годунову, какъ бывшему наемному защитнику, это было особенно понятно. И онъ, самодержецъ, неограниченный повелитель всего народа и обладатель всей земли, чувствовалъ себя безпомощнѣе самаго послѣдняго изъ своихъ подданныхъ. Самый послѣдній изъ его подданныхъ безбоязненно ѣлъ свой хлѣбъ, безбоязненно утолялъ жажду, ходилъ по улицамъ, дышалъ воздухомъ. Самый послѣдній изъ подданныхъ зналъ, что въ случаѣ несчастья первый случайный прохожій окажетъ ему посильную помощь, и не изъ корысти, не за плату, а „ради Бога“, изъ естественной въ каждомъ человѣкѣ любви къ ближнему. А самодержецъ и повелитель боялся собственной пиши и собственныхъ напитковъ, и не смѣлъ прикоснуться къ нимъ, не убѣдившись, что въ нихъ нѣтъ отравы, а совершенно убѣдиться въ этомъ нѣтъ возможности; онъ со страхомъ засыпалъ, боясь, что его задушитъ собственная стража;

боялся показаться на улицу, если его не охраняли десятки вооруженных людей, на вѣрность которыхъ, однако, нельзя положиться... Онъ собственно не жилъ, а лишь метался, какъ затравленный погоней бѣглець, который испуганно дрожить даже передъ собственной тѣнью.

Между прочимъ, отъ этого судорожнаго метанія жестоко пострадали люди, которымъ впоследствии суждено было сыграть крупную роль. Въ юнѣ 1601 года добровольный шпіонъ Бартеневъ донесъ царскому брату Семену Годунову, что въ домѣ Ѳедора Никитича Романова есть мѣшки съ кореньями. Семень сообщилъ объ этомъ царю. Борисъ испугался. Въ домѣ Ѳедора Романова немедленно былъ произведенъ обыскъ. Дѣйствительно, нашли мѣшки съ кореньями. Полагаютъ, что ихъ подбросилъ самъ шпіонъ Бартеневъ, въ надеждѣ на царскую награду. Надежда оправдалась. Бартеневъ былъ щедро награжденъ. Ѳедоръ Никитичъ былъ лишенъ всего имущества, насильно постриженъ въ монахи, названъ Филаретомъ и сосланъ въ Антоніевъ Сійскій монастырь. Жену его Аксинью Ивановну царь приказалъ также насильно постричь въ монахини; ее назвали Марѳой и сослали на дальній сѣверъ, за рѣку Онегу. Кромѣ того, царь приказалъ сослать всѣхъ ближайшихъ родственниковъ Ѳедора Никитича: братьевъ, сестеръ и зятей. Даже дѣти его—пятилѣтній мальчикъ Михаилъ и дѣвочка-малютка—не были пощажены. Ихъ отняли у отца съ матерью и сослали на Бѣлое озеро.

Какія коренья были подброшены Романову, осталось неизвѣстнымъ. Но Борисъ испугался, что они ядовиты. И этого оказалось достаточно для того, чтобы разгромить нѣсколько семействъ. На этомъ случаѣ ясно видно, до какого состоянія дошелъ Годуновъ. Это состояніе душевно-больного человѣка, которому даже собственная тѣнь кажется смертельно опасной, и онъ изо всѣхъ силъ старается убѣжать отъ нея.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

С м у т н о е в р е м я .

Царь Борисъ не даромъ боялся призраковъ. Онъ дѣйствительно погибъ отъ призрака. Въ Литвѣ появился какой-то невѣдомый человѣкъ, который назвалъ себя царевичемъ Димитріемъ Ивановичемъ, сыномъ Ивана Грознаго. И самодержецъ, повелитель милліоновъ людей, владѣлецъ несмѣтныхъ богатствъ, начальникъ громаднаго

войска, Борисъ Годуновъ оказался безсилнѣе одного человѣка, который ничѣмъ не владѣлъ, никѣмъ не распоряжался и даже никому не былъ извѣстенъ. Тщетно Годуновъ доказывалъ, что настоящій Дмитрій убитъ въ Угличѣ, а самозванецъ въ Литвѣ не кто иной, какъ бѣглый монахъ Григорій Отрепьевъ. Царское войско перешло на сторону самозванца. Самъ Годуновъ умеръ, прежде чѣмъ его свергли съ престола. Семья его была уничтожена. Незвѣстный человѣкъ, назвавшій себя Дмитріемъ, оказался самодержцемъ, повелителемъ и обладателемъ; онъ старался привлечь на свою сторону людей; многихъ вернулъ изъ ссылки; въ числѣ прочихъ вернулся и невольный монахъ Филаретъ Романовъ, вскорѣ произведенный въ санъ митрополита; сынъ его Михаилъ Оедоровичъ былъ возвращенъ матери инокинѣ Марѣѣ и поселился съ нею въ Москвѣ. Далѣе, новый царь не скупился на подарки, щедро раздавалъ жалованье. Но эти средства оказались слишкомъ ничтожными, чтобы прекратить общее недовольство. „Дмитрій“, подобно Борису, оказался какъ бы въ непріятельскомъ станѣ. Онъ процарствовалъ всего нѣсколько мѣсяцевъ. Бояринъ Висилій Шуйскій съ шайкою случайныхъ людей напалъ на него и убилъ. Человѣкъ, назвавшій себя Дмитріемъ, погибъ. На его мѣсто сѣлъ Василій Шуйскій. Но это лишь значило, что царскій престолъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновенной табуретки,—на нее можетъ сѣсть всякій, кому удалось столкнуть своего предшественника. Охотниковъ же столкнуть Шуйскаго съ царскаго мѣста оказалось не мало. Въ разныхъ частяхъ государства появилось сразу нѣсколько самозванцевъ. Чтобы привлечь дворянъ на свою сторону, Шуйскій сталъ отдавать имъ помѣстья въ потомственное владѣніе, т. е. дѣлалъ помѣщиковъ вотчинниками. Самозванцы тоже раздавали земли тѣмъ, кто переходилъ на ихъ сторону. Затѣмъ русскимъ царемъ захотѣлось быть польскому королевичу Владиславу. Онъ также привлекалъ сторонниковъ раздачею земель. Отецъ Владислава Сигизмундъ тоже былъ не прочь сѣсть на московскій престолъ и тѣмъ же порядкомъ привлекалъ на свою сторону дворянство. Тѣ же замыслы имѣлъ и шведскій король. И весь споръ сводился къ тому, у кого больше окажется силы, т. е. кто больше наберетъ себѣ шайку приверженцевъ. Россія превратилась въ сплошное поле битвы, гдѣ самозванцы воевали съ Шуйскимъ и другъ съ другомъ, и кромѣ того приходилось воевать съ поляками и шведами, которые вторгались въ русскіе предѣлы и осаждали русскіе города. Дворянство металось изъ стороны въ сторону. Многіе дворяне, присягнувши Шуйскому и получивши отъ него за это награду, уходили къ самозванцу. Само-

ванецъ давалъ имъ отъ себя награду, и они присягали ему. Потомъ, получивши „милость“ отъ Владислава, присягали Владиславу. •

Что жъ въ это время дѣлалъ народъ? По всей странѣ бродили казацкіе и мужицкіе отряды. Одно время они соединились; отъ нихъ зависѣло смести съ лица земли и Шуйскаго, и самозванцевъ, и установить въ государствѣ иные порядки. Бѣда лишь въ томъ, что народъ не зналъ, какъ это сдѣлать. Обезземеленный народъ зналъ, что ему нужна земля. Онъ зависѣлъ отъ произвола помѣщиковъ, чиновниковъ и потому зналъ, что ему нужны права, свобода, воля. Но какъ устроить, чтобы была земля и воля? Самъ народъ былъ слишкомъ темень. А руководителей и учителей въ ту пору не нашлось. Народная сила была грозна и могуча, когда приходилось разрушать старое. А когда понадобилось строить новое, она оказалась слѣпа и беспомощна. Въ концѣ концовъ казацкіе старшины перессорились другъ съ другомъ. Собранныя ими сила распалась на мелкія шайки. Часть ушла во свояси. Часть просто занялась разбоемъ и грабежомъ. Такимъ образомъ устройство государства перешло исключительно въ руки „верховъ“, т. е. бояръ и дворянъ.

Мы видѣли, что „верхи“ также желали земли, но не народу, а себѣ; имъ хотѣлось владѣть помѣстьями не временно, а вѣчно, чтобы пожалованное имѣніе можно было продавать, покупать, передавать по наслѣдству. Далѣе, они несомнѣнно хотѣли правъ и свободы, но опять таки только для себя. Требовалось такъ, чтобы дворяне были свободны, чтобы ихъ судили правильнымъ судомъ и по закону, но чтобы они могли поступать съ крестьянами, какъ угодно. Являлся лишь вопросъ, какъ это устроить?

Образцово была устроена такая „свобода“ въ Польшѣ. Тамъ всѣми государственными дѣлами управляли дворяне,—или, по польски, шляхта. Дворянское собраніе (сеймъ) устанавливало всѣ законы и порядки. Оно же выбирало короля, и при томъ не наслѣдственнаго, а пожизненнаго. Такъ что когда король умиралъ, шляхта выбирала новаго. Словомъ, Польша была государствомъ аристократическимъ, т. е. въ ней было правленіе дворянское. И потому шляхта поступала съ крестьянами какъ угодно. На дворянина негдѣ было искать ни суда, ни управы. И одинъ иностранный путешественникъ не даромъ писалъ, что въ Польшѣ дворяне блаженствуютъ, какъ въ раю, а крестьянство мучается, какъ въ аду. Впослѣдствіи крестьяне были доведены до крайняго отчаянія. И безъ сопротивленія пошли подъ власть чужихъ государствъ, лишь бы не терпѣть дворянскаго ига. Другими словами, народъ дошелъ до такого состоянія, что „хоть гирше, да инше“. Тогда Польша, какъ самостоятельное го-

сударство, погибла. Но это случилось много позже. Во времена же смуты в Россіи Польша казалась сильнымъ государствомъ. Дворянское правленіе держалось твердо. И народъ польскій ему подчинялся.

Это былъ образецъ для нашего боярства и дворянства. Однако, къ русскимъ нравамъ и обычаямъ этотъ образецъ не подошелъ. Бояре пробовали поставить своего царя — Шуйскаго Василія. Но этому боярскому ставленнику никто не подчинялся. Потомъ дворянство московское поручило временное управленіе боярину „Мстиславскому съ товарищами“. Но и Мстиславскаго никто не слушался. Этотъ опытъ показывалъ, что если въ Россію переносить польскіе порядки, то придется созывать собраніе не дворянскихъ представителей, а представителей всего народа; показывалъ этотъ опытъ также, что если въ Россіи и возможенъ, по образцу Польши, выборный, а не наслѣдственный царь, то избраніе такого царя нужно предоставить не дворянству, а всему народу. Иначе говоря, нравы и обычаи русскіе допускали демократическое устройство, т. е. народное правленіе, но совершенно не допускали устройства аристократическаго. А при народномъ правленіи дворянству пришлось бы распространиться и съ помѣстьями и со своими привиллегіями.

Правда, дворяне слезно продолжали жаловаться на царскую жестокость и самовластье. Но когда польскіе шляхтичи на это сказали: „заведите себѣ наши порядки — и будете свободны“, то дворяне отвѣтили:

— Нѣтъ, ваши порядки намъ не годятся. Вамъ, полякамъ, сладка ваша свобода, а намъ — наша неволя.

То есть: хоть государи насъ и крѣпко били, зато сытно кормили.

— Въ Россіи — объяснилъ одинъ дворянинъ — нуженъ человекъ, на котораго всѣ подданные надѣялись бы, что онъ никого не дастъ въ обиду, чтобы самый бѣднѣйшій крестьянинъ могъ думать: если, молю, я пожалуюсь на дворянина, то и дворянина накажутъ, если на вельможу пожалуюсь, то и вельможу не помилуютъ.

Мысль эта не была новой. Между прочимъ, еще Иванъ Грозный старался показать, что онъ — первый защитникъ сирыхъ и убогихъ и готовъ „до послѣдней капли крови“ защищать народъ отъ дворянской и боярской неправды. Грозный увѣрялъ, что онъ всегда за народъ, за крестьянство, а если въ Россіи и происходятъ притѣсненія, то единственно потому, что они дѣлаются тайно и царь объ этомъ не знаетъ. Укоренялась мысль, будто кривда идетъ только отъ дворянъ и приказныхъ, и будто держится она въ Россіи только потому, что „царь не знаетъ“. А если бы онъ узналъ, то и кривды бы не было.

Вкратцѣ намѣренія дворянства были таковы: — Въ Россіи нуженъ

по прежнему царь и при томъ наследственный. Государство должно по прежнему остаться монархическимъ, т. е. чтобы верховное правленіе находилось въ рукахъ одного человѣка. И пусть монархъ по прежнему считается обладателемъ всей земли, ибо если онъ сразу станетъ раздавать не помѣстья, а вотчины, то крестьянство, пожалуй, ему не повѣритъ. Но дабы избавиться отъ прежней жестокости, надо власть царя ограничить,—взять съ него клятву, что онъ ничего не будетъ дѣлать безъ согласія бояръ и дворянъ. Нужно, однако, поставить царя такого, чтобы народъ надѣялся найти у него защиту, чтобы народъ считалъ, что новый царь не дворянскій, не боярскій, а народный, крестьянскій.

Василій Шуйскій подъ эти условія не подходилъ,—и его свергли. Затѣмъ бояре и дворяне повели переговоры съ польскимъ королевичемъ Владиславомъ. Владиславъ согласился ничего не дѣлать безъ согласія бояръ и дворянъ. Дворянство московское присягнуло ему и объявило царемъ. На этомъ основаніи въ Москву были впущены польскія войска. Для окончательныхъ переговоровъ съ Владиславомъ было отправлено посольство съ митрополитомъ Филаретомъ Романовымъ во главѣ. Но едва Филаретъ уѣхалъ, какъ начались разногласія. Стали говорить, что Владиславъ опасенъ: у него отецъ король; отъ отца онъ постоянно будетъ получать поддержку и станетъ дѣйствовать, какъ прежніе цари,—безъ дворянскаго и боярскаго согласія. Часть бояръ начала убѣждать, что болѣе подходящимъ царемъ будетъ Филаретовъ сынъ, тринадцатилѣтній Михаилъ Ѳедоровичъ, жившій съ матерью въ Москвѣ.

— Родъ Романовыхъ — откровенно объясняли нѣкоторые — не знатный. Поддержки Михаилу Ѳедоровичу не откуда ждать. И, значитъ, самовластничать ему не придется. При томъ же, какъ слышно, и способностями онъ слабъ,—безъ нашей помощи съ государственными дѣлами не справится.

Духовенство живо откликнулось на ту мысль: отъ царя, который былъ сыномъ митрополита, оно естественно ожидало особыхъ милостей. А такъ какъ Владиславъ былъ католикъ, то оттолкнуть отъ него религиозныхъ людей труда не составляло (какой же, молъ, это будетъ царь, когда онъ еретикъ!).

Въ виду такихъ разногласій, Филаретъ былъ арестованъ польскимъ королемъ. Для изгнанія поляковъ, занявшихъ Москву послѣ того, какъ она присягнула Владиславу, составилось ополченіе подъ руководствомъ Минина и Пожарскаго. Послѣ долгой осады ополченцы взяли Москву. Уцѣлѣвшіе въ ней поляки сдались въ плѣнъ. Послѣ этого стало ясно, что Владиславу царемъ не бывать. Надо

было приступить къ выбору новаго царя. Условія, на которыхъ былъ выбранъ новый царь, до сихъ поръ составляютъ тайну. Но тайна эта отчасти уже разгадана. Вотъ что, напримѣръ, рассказываетъ близко знавшій тогдашнія дѣла иностранецъ Фокеродтъ:

„Вельможи составили изъ себя нѣчто вродѣ сената, который они называли соборомъ. Въ этомъ „соборѣ“ заставляли и имѣли голосъ не только бояре, но также и всѣ другія лица, занимавшія высокія государственныя должности (т. е. высшіе чиновники). Они приняли единодушное рѣшеніе: не ставить въ цари никого, кто не обѣщаетъ подъ присягою—предоставить полный ходъ правосудію, никого не судить и не осуждать высочайшею властью *); безъ согласія собора не вводить никакихъ новыхъ законовъ, не отягчать подданныхъ новыми налогами и не принимать никакихъ рѣшеній въ ратныхъ и земскихъ дѣлахъ. Чтобы крѣпче связать новаго царя этими условіями, они рѣшили не выбирать никого, кто принадлежитъ къ вліятельной фамиліи и имѣетъ много приверженцевъ, съ помощью которыхъ онъ могъ бы нарушить присягу... Михаилъ Ѳедоровичъ, (которому исполнилось уже 16 лѣтъ), подписалъ эти условія безъ колебаній“.

Однако, когда именно состоялась подпись, неизвѣстно. Судя по всему, переговоры съ матерью Михаила, инокиней Мареей, начаты были тотчасъ послѣ отправки посольства къ Владиславу. Когда Москвою овладѣло ополченіе Минина и Пожарскаго, Мареева не долго жила въ столицѣ и вскорѣ уѣхала въ дальній Ипатьевскій монастырь близъ Костромы. Въ этомъ видятъ доказательство, что передъ отѣздомъ дѣло уже было рѣшено: Мареева не осталась въ Москвѣ, чтобы отклонить подозрѣніе, будто выборъ состоялся по чьей либо просьбѣ или изъ-за подкупа. Прежде, чѣмъ окончательно объявить Михаила царемъ, верховники, о которыхъ рассказываетъ Фекеродтъ, созвали земскій соборъ. Онъ былъ названъ „соборомъ всей земли“, хотя въ немъ участвовали лишь бояре, выборные отъ дворянъ, купцовъ, посадскихъ людей и наиболѣе крупныя чиновники. Представителей крестьянства на этомъ соборѣ почти совершенно не было. Съѣхавшіеся на соборъ согласились, чтобъ Михаилъ Ѳедоровичъ былъ царемъ. Послѣ этого въ Москвѣ было объявлено: „такъ хочетъ Богъ“. Въ грамотахъ, отправленныхъ въ другіе города, писалось также, что Михаилъ Ѳедоровичъ становится царемъ единственно по указанію Божію: „Духъ святой избралъ его“. Къ Михаилу от-

*) Надо помнить, что цари судили только знатныхъ людей: воеводъ, вельможъ, бояръ и т. д. Обыкновенныхъ же людей „судили и осуждали“, по своему усмотрѣнію, чиновники и помѣщики.

правили пословъ объявить объ избраніи. И хоть было извѣстно, что онъ съ матерью находится въ Костромѣ, однако посламъ велѣли ѣхать въ Ярославль „или другіе города“. Этимъ подчеркивалось, что никакого предварительнаго соглашенія не было, и что выборъ произошелъ только по волѣ Духа Святого, а не послѣ долгихъ переговоровъ. Кто-то распространилъ даже сказаніе, будто возлѣ Костромы „благочестивый крестьянинъ“ Иванъ Сусанинъ спасъ Михаила Ѳедоровича отъ шайки поляковъ и за это былъ убитъ. Сказаніе о „подвигѣ Ивана Сусаника“ усиленно распространялось, какъ доказательство, что „мужики“ сразу признали Михаила Ѳедоровича „народнымъ царемъ“ и готовы были за него жизнь положить. Любопытно, что родственникамъ Сусанина была даже дана награда, хотя всѣ знали, что возлѣ Костромы никакихъ поляковъ (а тѣмъ паче польскихъ шаекъ) не было, и, сдѣдовательно, рассказъ о томъ, какъ Сусанинъ спасалъ государя отъ поляковъ, — ужь слишкомъ неправдоподобенъ.

Встарину былъ обычай: „отнѣкиваться“ отъ почета. Борисъ Годуновъ, напримѣръ, когда его упрасивали „сѣсть на царство“, „морщился, по непочтительному выраженію Пушкина, какъ пьяница предъ чаркою вина“. Передъ нимъ становились на колѣни, плакали, его просили Христа ради. Это продолжалось нѣсколько дней, пока Борисъ нашель, что обычай соблюденъ вполне, и далъ согласіе. Инокія Марѳа не отступила отъ стараго обычая. Она отнѣкивалась шесть часовъ. Но потомъ благословила сына. Вначалѣ возникли было небольшія разногласія. Земскій соборъ временно назначилъ царю на жительство малыя хоромы, такъ какъ царскій большой дворецъ требовалъ дорогого ремонта, а въ казнѣ было пусто. Михаилъ же Ѳедоровичъ настаивалъ, чтобы ему немедленно были отведены покои во дворцѣ. Недоразумѣніе удалось уладить. Михаилъ Ѳедоровичъ безпрепятственно въѣхалъ въ Москву и здѣсь въ 1613 году торжественно короновался.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Михаилъ Ѳедоровичъ и Алексѣй Михайловичъ.

Новый царь былъ, дѣйствительно, слабъ и не отличался крѣпкимъ здоровьемъ, онъ умеръ въ 1645 году, 48 лѣтъ отъ роду. Сынъ его Алексѣй Михайловичъ также былъ человѣкъ болѣзненный, — умеръ въ 1676 году, 47 лѣтъ отъ роду. Хотя Михаилъ

Федоровичъ обѣщаль передъ вступленіемъ на престоль „возстановить правосудіе, судить по закону и никого не осуждать верховною властью“, однако, нельзя сказать, что это обѣщаніе было выполнено. Были, напр., такіе случаи.

Михаилу Федоровичу сосватали невѣсту—Марію Хлопову. Незадолго до свадьбы дѣвушка эта вдругъ почувствовала сильный припадокъ тошноты. Никакой другой вины за несчастной Хлоповой не было. Тѣмъ не менѣе государь приказаль немедленно отправить ее въ Сибирь. Позже открылось, что царскую невѣсту чѣмъ-то сквернымъ накормили родственники инокини Марѳы, оттого и тошнота случилась. Тѣмъ не менѣе Марья Хлопова, по настоянію Марѳы, была оставлена въ ссылкѣ.

То же произошло и съ первой невѣстой Алексѣя Михайловича—Всеволожской. Она чѣмъ-то неугодила государевымъ приближеннымъ. И ей подсыпали, какъ говорятъ, по приказу царскаго любимца боярина Морозова, въ питье какого-то снадобья. Отъ этого снадобья дѣвушка почувствовала дурноту и упала въ обморокъ. Царь приказаль за это сослать ее въ Сибирь вмѣстѣ съ ея родственниками.

Впрочемъ, незаконныя наказанія грозили не только русскимъ подданнымъ. Михаилъ Федоровичъ хотѣль выдать свою дочь Ирину замужъ за датскаго королевича Вальдемара. Вальдемаръ пріѣхаль въ Москву. Однако, отъ брака сталъ отказываться. За это царь подвергъ его аресту, хотя арестъ иностраннаго принца грозиль Россіи войной. Впрочемъ, Михаилъ Федоровичъ вскорѣ умеръ. Сынъ его поспѣшилъ отпустить Вальдемара и кое-какъ замяль это скандальное дѣло. Несчастливая же царевна Ирина, обезславленная неумнымъ сватовствомъ, скоротала свой вѣкъ дѣвушкой.

Тѣмъ не менѣе уже первые шаги Михаила Федоровича показывали, что новый царь на пойдетъ по пути Ивана Грознаго: не станетъ безъ пощады казнить, ссылать, отнимать вотчины. Наоборотъ, новый царь, повидимому, сразу цоняль, что страна въ опасномъ броженіи. Было ясно, что мысль о землѣ крѣпко засѣла въ мужицкихъ головахъ. Было ясно и то, что крестьяне хоть и сдерживаютъ свое недовольство, въ надеждѣ на царя, но недовольство въ любую минуту можетъ прорваться наружу. Изъ опасенія взрыва приходилось мужицкую надежду поддерживать обѣщаніями и ласковыми словами. Въ Москвѣ прекрасно понимали, что передавать крестьянамъ землю нельзя. Ибо, лишившись земли, государь потеряетъ власть. А мужикъ, получивши землю, пріобрѣтетъ силу и независимость. Это неминуемо привело бы къ тому, что въ Россіи оказалось бы народное правленіе. А этого правительство допустить не могло. Оста-

вался лишь одинъ выходъ: успокаивать крестьянъ, на сколько можно, и держать въ повиновеніи при помощи дворянъ. Въ дворянахъ Михайль Ѳедоровичъ видѣлъ самую надежную и единственную опору своего престола. Такъ же понималъ дѣло и Алексѣй Михайловичъ.

Правда, въ минуты гнѣва оба государя бывали жестоки и самоуправны. Однажды, напр., болѣзненный Алексѣй Михайловичъ открылъ себѣ кровь. Кровоупусканіе помогло: Государь почувствовалъ облегченіе. И на радостяхъ онъ приказалъ всѣмъ своимъ приближеннымъ боярамъ и дворянамъ также открыть кровь. Приближенные ослушаться не посмѣли, кромѣ одного, который сказалъ:

— Зачѣмъ мнѣ кровь зря терять, когда я, слава Богу здоровъ?

Узнавши объ этомъ, государь страшно разсердился, напалъ на ослушника и сталъ его бить, приговаривая:

— Развѣ твоя холопская кровь дороже моей царской?!

Но черезъ нѣсколько дней Алексѣй Михайловичъ извинился передъ побитымъ, наградилъ его и тѣмъ опять привлекъ къ себѣ.

Бывало и такъ. Приближенный государя Морозовъ ужъ очень безбожно притѣснялъ народъ и отягощалъ корыстными поборами. Въ концѣ концовъ москвичи возмутились и потребовали Морозова на свой судъ. Царь лично обѣщалъ казнить преступника, а между тѣмъ спряталъ его отъ народа въ монастырѣ и написалъ игумену:

— „Непремѣнно бы вамъ (монахамъ) боярина нашего Бориса Ивановича уберечь, а грамотку сію покажите ему, пріятелю моему“ ..

Когда же переписанные во время разговора съ государемъ „зачинщики мятежа“ были казнены, Морозовъ тихонько вернулся въ Москву и сталъ жить попрежнему.

Словомъ, дворяне ясно видѣли, что для нихъ пора чрезмѣрныхъ жестокостей и казней миновала; и что, наоборотъ, наступила пора чрезмѣрныхъ милостей, чрезмѣрнаго покровительства и даже чрезмѣрнаго укрывательства. Правительство уже не слѣшило отнимать у дворянскихъ женъ и дѣтей помѣстья въ случаѣ, если отецъ прекращаетъ службу. Напротивъ, дворянъ оно все чаще и чаще награждало землями въ потомственное владѣніе. И число дворянскихъ фамилій, владѣвшихъ „пожалованными вотчинами“, стало сильно увеличиваться. Сынъ Алексѣя Михайловича Петръ Алексѣевичъ пошелъ еще дальше: онъ объявилъ законъ, что каждый дворянинъ владѣетъ помѣстьемъ вѣчно и можетъ распоряжаться имъ, какъ своею полною собственностью. Такимъ образомъ при внукѣ Михаила Ѳедоровича завѣтная дворянская мечта исполнилась: всѣ помѣстья превратились въ вотчины.

Великою милостью для дворянъ была и другая мѣра. Какъ извѣстно, еще при Годуновѣ правительство отняло у крестьянъ законный способъ переходить съ одного мѣста на другое. Благодаря этому, помѣщики получили возможность налагать оброкъ по своему желанію. Крестьяне въ короткое время стали неоплатными должниками. А такъ какъ своего должника помѣщикъ могъ поставить на правезь, то избѣжать смертельныхъ побоевъ былъ лишь одинъ способъ: стать полнымъ рабомъ заимодавца. Чтобъ избавиться отъ этой горькой участи, крестьяне убѣгали и скрывались. Относительно этихъ бѣглецовъ существовало правило: если бѣглець не пойманъ втеченіе 5 лѣтъ, то помѣщикъ теряетъ надъ нимъ всякую власть. Убѣжавшій могъ черезъ 5 лѣтъ явиться на родину и жить уже не рабомъ, а свободнымъ человѣкомъ. Михаилъ Федоровичъ велѣлъ этотъ прежній срокъ удвоить: т. е. бѣглець долженъ былъ скрываться 10 лѣтъ, и только черезъ 10 лѣтъ помѣщикъ терялъ надъ нимъ власть. Алексѣй Михайловичъ въ годъ восшествія на престолъ вовсе отмѣнилъ сроки, т. е. ввелъ законъ, что власть помѣщиковъ никакими сроками не отмѣняется. Черезъ два года велѣно было произвести перепись, при чемъ государь, приказалъ, чтобы каждый человѣкъ жилъ въ томъ помѣстьѣ, гдѣ его застала перепись. Поэтому, если даже вполне свободный человѣкъ, не задолжавшій помѣщику, переходилъ на жительство въ другое мѣсто, то его считали бѣглецомъ, ловили и препровождали въ распоряженіе помѣщика.

На первый взглядъ, все это были невинныя и какъ бы даже резонныя распоряженія. Не бѣда, кажись, что должникамъ запрещено убѣгать отъ уплаты долговъ. Задолжалъ,—значить; плати, а не отговаривайся пятилѣтними сроками. Указъ о запрещеніи переходить съ одного мѣста на другое даже былъ удостоенъ похвалъ: нельзя же, молъ, допускать, чтобы люди постоянно шлялись изъ стороны въ сторону; для нихъ же лучше, если они будутъ прикрѣплены къ землѣ: „на одномъ мѣстѣ и камень обростаетъ“. Выходило такъ, словно Москва заботится о крестьянахъ, которые по глупости своей и изъ дурной привычки къ бродяжничеству сами себя разоряютъ. Но въ Москвѣ хорошо знали, что, кромѣ прямого смысла законовъ и указовъ, есть еще и дворянскій обычай. А обычай у дворянъ былъ такой: они считали себя вправѣ судить всѣхъ людей, которые живутъ въ ихъ помѣстьѣ, сѣчь, сажать въ собственную тюрьму, заставлять работать на себя. И „прикрѣпленіе къ землѣ“ въ сущности означало, что крестьянамъ запрещено уходить изъ подъ судебной, полицейской и хозяйственной власти помѣщи-

ка. Такимъ образомъ, съ одной стороны перепись 1647 года прикрѣпила крестьянъ собственно не къ землѣ, а къ помѣщику, т. е. окончательно ввела крѣпостное право, а съ другой — дѣло имѣло такой видъ, будто дворяне ввели крѣпостное право самопроизвольно и незаконно, вопреки благожелательнымъ намѣреніямъ Москвы:

— Москва, дескать, издала приказъ, чтобъ крестьянамъ было хорошо. Если все вышло не хорошо, а очень скверно, то виновата не она, а помѣщики.

Всѣ жалобы на помѣщичье „лиходѣйство“, конечно, успѣха не имѣли. Было лишь изъ Москвы „приказано накрѣпко“, чтобы помѣщики крестьянъ не убивали и голодною смертию не морили. Однако такого закона, который налагалъ бы на помѣщика наказаніе за убійство „крѣпостного человѣка“, издано не было. Такъ что „приказъ“ былъ хоть и „крѣпкій“, но для помѣщиковъ явно не обязательный.

Вступая на царство, Михаилъ Ѳеодоровичъ далъ обѣщаніе рѣшать дѣла не иначе, какъ съ согласія земскаго собора. Дворянство особенно настаивало на этомъ, чтобы наблюдать за царемъ и не допустить той самовластной жестокости, какою ознаменовалъ себя Иванъ Грозный. На дѣлѣ этой опасности не оказалось, и земскимъ соборамъ пришлось не наблюдать за царемъ, а лишь помогать ему.

Помощь, правда, была необходима. Государь былъ и молодъ, и не знакомъ съ государственными дѣлами, да и по способностямъ своимъ онъ не могъ быстро сообразить, что нужно. И характеръ у него былъ не такой, чтобъ поступать рѣшительно и поставить на своемъ. Однако, дворянамъ вовсе не нравилось бросать свои собственныя дѣла и возлагать на себя государственныя заботы. Земскіе соборы засѣдали постоянно втеченіе 9 лѣтъ. Выборы представителей происходили 3 раза (Представители избирались на 3 года). До земскихъ соборовъ указы начинались словами: „государь указалъ, а бояре приговорили“. Теперь же указы стали начинаться такъ: „мы, великій государь, говорили и совѣтовали на соборѣ, а всѣхъ великихъ російскихъ городовъ ратные и выборные и всякіе люди приговорили“.

Когда возвращенъ былъ изъ польскаго плѣна государевъ отецъ Филаретъ, человѣкъ твердый и способный, то всѣ словно признали молчаливо, что „теперь дѣлами управлять есть кому“. И дѣйствительно, Филаретъ получилъ санъ патріарха, титулъ „великаго патріарха“, взявъ на себя бремя государственныхъ заботъ, и безъ его совѣта или указанія сынъ ничего не дѣлалъ. Депутаты третьяго земскаго собора разѣхались по домамъ, лишь только отслужили

свой срокъ. А четвертыхъ выборовъ государь не назначилъ. Такъ потихоньку земскіе соборы прекратились. И нѣсколько лѣтъ спустя Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ сдѣлать себѣ новую царскую печать, чтобы на ней стояло слово: „Самодержецъ“. Такимъ образомъ, неограниченная власть государей была восстановлена.

Судя по всему, и Михаилъ Ѳеодоровичъ, и сынъ его Алексѣй Михайловичъ помнили данное въ 1613 году обѣщаніе. И время отъ времени на короткій срокъ они созывали земскіе соборы. Но это дѣлалось лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было ввести новые, особо тяжкіе налоги или начать новую, очень тяжелую войну. Алексѣй Михайловичъ о своихъ верховныхъ правахъ говорилъ между прочимъ, такъ: „Богъ предалъ намъ, государю, править и разсуждать люди своя“. То есть государь смотрѣлъ на себя, какъ на намѣстника Божія на землѣ. И если воля Господа Бога никѣмъ не ограничена, то и волю намѣстника Божія никто, кромѣ Бога, не ограничиваетъ. Послѣ же Алексѣя Михайловича обѣщаніе о земскихъ соборахъ было забыто навсегда.

Слѣдовательно, судьба устроила такъ, что крестьянство ничего не получило. Удалось совершенно восстановить самодержавную царскую власть. Спрашивается: достигнута ли была личная безопасность государей? успокоено ли было государство? Увы, уже Алексѣю Михайловичу пришлось опасаться почти такъ же, какъ и государямъ до смутнаго времени.

Въ своемъ дворцѣ, среди людей особо близкихъ къ нему и щедро награжденныхъ имъ, Алексѣй Михайловичъ все таки нѣ чувствовалъ себя спокойно. Онъ боялся даже врача, даже своихъ любимцевъ. Когда для него изготовлялось лекарство, то на глазахъ государя врачъ долженъ былъ выпить часть этого лекарства, затѣмъ пилъ ближній бояринъ и другъ царя Матвѣевъ, затѣмъ пили другіе приближенные, и только послѣ этого Алексѣй Михайловичъ рѣшался принять лекарство, да и то не весь пріемъ: недопитое долженъ былъ тутъ же на глазахъ государя выпить Матвѣевъ. Такова оказалась личная безопасность. Не лучше было и спокойствіе.

Едва Алексѣй Михайловичъ взошелъ на престолъ, какъ начались бунты: сначала въ Москвѣ, потомъ въ Сольвычегодскѣ, въ Устюгѣ, въ Псковѣ, Новгородѣ, и опять въ Псковѣ, и опять въ Москвѣ. „Къ счастью для государя—пишетъ историкъ Соловьевъ—города бунтовали въ разное время, а не всѣ вмѣстѣ“. Но „счастье“ было не только въ этомъ. Гораздо больше „счастья“ заключалось въ томъ, что народъ глубоко вѣрилъ государю.

Между прочимъ въ Псковѣ бунтъ начался изъ-за секретнаго

указа передать шведскому королю деньги и хлѣбъ. Народъ не понимая, для чего это нужно, и увидѣлъ въ этомъ государственную измѣну.

— „Государь этого дѣла не знаетъ — кричали бунтовщики. — Отдають казну шведамъ бояре-измѣнники“.

Ради спасенія собственной жизни бояре показали бунтовщикамъ подлинную царскую грамоту. Ее стали читать на площади всенародно. Дошли, наконецъ, до словъ:

— „А сего бы тайнаго указа никто у насъ не вѣдалъ“...

Бунтовщики оторопѣли. Но послѣ нѣкотораго замѣшательства разсудили такъ:

— Не можетъ быть, чтобы государь скрывалъ отъ народа свои указы. А если написано, что указъ скрыть, значитъ—онъ подложный; значитъ, сочиненъ боярами, а государь о немъ не знаетъ.

Вотъ эта вѣра въ государя и была великимъ счастьемъ Алексѣя Михайловича. Только благодаря ей ему удалось сравнительно легко справиться съ затрудненіями, какими было богато его царствованіе.

Алексѣй Михайловичъ задумалъ ознаменовать свое царствованіе благочестивымъ, какъ тогда полагали, подвигомъ—напечатать такъ всѣ богослужебныя книги, чтобы онѣ были точь-въ-точь такія же, какъ у грековъ, откуда въ Россію пришло христіанство. Догадываются нѣкоторые, что это дѣло было затѣяно съ цѣлью отвлечь народное вниманіе отъ политическихъ неурядиць. Само по себѣ это дѣло мирное, но за него взялись въ высшей степени не умно: сначала шумѣли такъ, какъ будто рѣчь идетъ о спасеніи вѣры православной, а не объ ученомъ сличеніи греческихъ книгъ съ русскими, отъ котораго никому не тепло и не холодно. А когда книги были сличены и измѣнены по греческимъ спискамъ, государь и патріархъ Никонъ поступили ужъ слишкомъ круто и самовластно. Приказано было старыя отбирать и истреблять, словно онѣ и въ самомъ дѣлѣ еретическія, а церковную службу править только по новымъ книгамъ.

Вышло такъ: народъ искони, напримѣръ, крестился двумя перстами; это велось отъ дѣдовъ и прадѣдовъ и къ этому всѣ привыкли. И вдругъ государь приказалъ: креститься тремя перстами, а кто будетъ крестъ налагать по-прежнему, тотъ еретикъ. Люди, равнодушные къ церковнымъ дѣламъ, отнеслись къ этому приказу спокойно, по пословицѣ: „скажи, враже, какъ панъ скажетъ“. Но кто относился къ церкви ревностно, тѣ естественно возмущались: „почему тремя, а не двумя? И съ какой стати еретикъ? И дѣдъ мой былъ двоеперстникъ, и отецъ, — развѣ они еретики? Митрополитъ

Филиппъ къ лику святыхъ угодниковъ Божіихъ причисленъ, а онъ двумя перстами крестился. По новому же указу выходить, что это не святой, а еретикъ“...

Словомъ, „исправленіе книгъ“, какъ называлъ Никонъ свое предпріятіе, не только никого не успокоило, но послужило причиной новыхъ смуть. Противъ новаго указа возстала наиболѣе ревностная къ дѣламъ вѣры часть духовенства. Взбунтовался Соловецкій монастырь. Пришлось посылать противъ него войска, брать осадой и громить пушками, какъ непріятельскую крѣпость. И въ довершеніе смуты, на Волгѣ вспыхнулъ крестьянскій бунтъ, связанный съ именемъ знаменитаго казака Степана Разина.

Разинъ промышлялъ грабежомъ. Когда его шайка стала многочисленной, ему пришло въ голову — совершить большое государственное дѣло. Пойдемъ—говорилъ онъ — въ Москву, возьмемъ ее и заведемъ новые порядки, чтобъ всѣ люди были равны, и чтобы крестьянамъ была воля и земля. Узнавши объ этомъ, крестьяне стали истреблять помѣщиковъ и присоединяться къ „Степану Тимоеевичу“. О Разинѣ до сихъ поръ сохранилось много сказаній. Говорятъ, будто у него была важная мысль: водворить въ Россіи народное правленіе, но онъ держалъ эту мысль втайнѣ, изъ боязни, что народъ не пойметъ его.

Возможно, что онъ, дѣйствительно, думалъ о народномъ правленіи, но врядъ ли зналъ, какъ ввести его. И быть можетъ, именно потому, что онъ этого самъ не зналъ, ему пришлось прибѣгнуть къ обману: Разинъ объявилъ, что у него находится царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ. Выходило такъ, что царевичъ хочетъ быть мужицкимъ, а не дворянскимъ царемъ и поэтому надо лишь посадить Алексѣя Алексѣевича на престоль, а ужъ онъ, молъ, знаетъ какъ надо сдѣлать, чтобы народъ получилъ волю и землю. Въ такомъ видѣ мысль была для крестьянъ понятна и проста:

Пойдемъ—разсуждали они—на Москву, свергнемъ нынѣшняго „дворянскаго царя“ и посадимъ своего „крестьянскаго“.

Но эта же мысль показывала, что дѣло, задуманное Разинымъ, безнадежно.

Во-первыхъ, царевича Алексѣя уже не было въ живыхъ, когда поднялись крестьяне. Онъ умеръ. И народъ рано или поздно во очію убѣдился бы въ его смерти. Во-вторыхъ, даже тѣмъ, кто не зналъ о смерти царевича, не очень могло нравиться, что сынъ собираетъ войско, чтобы уничтожить отца. Въ третьихъ, не всѣ могли повѣрить, что царевичъ будетъ „мужицкимъ царемъ“. Вполнѣ естественно было предположить, что „сынъ будетъ во всемъ походить на отца“.

Наконецъ, самъ Разинъ въ сущности велъ себя не какъ предводитель народнаго возстанія, а какъ атаманъ разбойничьей шайки. Онъ кутилъ, бражничалъ, пропустилъ благоприятное для него время и былъ разбитъ. Есть извѣстіе, что для окончательнаго устрашенія крестьянъ воеводами было истреблено 100 тысячъ людей. Бунтъ былъ подавленъ. Но всѣ видѣли, что спокойствіе этимъ не обезпечено. Даже вблизи Москвы народъ, не примкнувшій къ Разину, явно стоялъ не на сторонѣ правительства. „Разнесется вѣсть,—жаловался одинъ современникъ Алексѣя Михайловича,—что мятежники побили государевыхъ людей, и всѣ этому радуются, а скажутъ, что ратные государевы люди побили мятежниковъ, и станутъ всѣ унылы и печалятся о погибели мятежниковъ“. Да и на „ратныхъ государевыхъ людей“ нельзя было положиться: часть ихъ переходила на сторону Разина. Въ самой Москвѣ даже среди стрѣльцовъ замѣчалось глухое недовольство. Въ такомъ состояніи общей смуты и народнаго отчужденія отъ правительственной власти Алексѣй Михайловичъ оставилъ царство своимъ наследникамъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Петръ Великій.

Алексѣй Михайловичъ имѣлъ трехъ сыновей: отъ первой жены (изъ рода Милославскихъ) Ѳеодора и Ивана, и отъ второй жены (Натальи Нарышкиной) Петра. Ѳеодоръ, крайне хилый и болѣзненный, умеръ черезъ 6 лѣтъ послѣ отца (въ 1682 году). Иванъ былъ также больной и совершенно слабоумный. Послѣ смерти Ѳеодора патріархъ и царедворцы объявили царемъ Петра, которому едва исполнилось десять лѣтъ. Петръ былъ крѣпкій и сильный мальчикъ,—„не въ отца“. И по этому поводу въ Москвѣ ходило много сплетенъ. Разсказывали, будто Наталья Нарышкина не отличалась воздержностью, имѣла нѣсколько любовниковъ, и будто Петръ не Алексѣевъ сынъ („оттого, молъ, онъ и здоровый такой“). Этими слухами ловко воспользовались Милославскіе, родственники слабоумнаго Ивана. Возникъ стрѣлецкій бунтъ. Стрѣльцы потребовали, чтобы оба брата — Иванъ и Петръ были объявлены царями. А по слабоумію одного и по малолѣтству другого управленіе государствомъ было поручено—опять таки

по настоянію стрѣльцовъ—единоутробной сестрѣ Ивана — царевнѣ Софьѣ. Дѣлами управляла, впрочемъ, не Софья, а ея любимецъ Василій Голицынъ.

Василій Голицынъ вѣдалъ дѣлами почти семь лѣтъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени. Онъ старался править возможно мягче и возможно милостивѣе. Съ самаго начала Голицынъ завелъ переговоры съ Польшею о томъ, чтобы заключить „вѣчный миръ“ и сообща идти войною на турокъ. Поляки на это отвѣтили, что миру они рады, а воевать съ турками не желаютъ. Тогда Голицынъ объяснилъ, что безъ войны никакъ Россія обойтись не можетъ, такъ какъ война—единственное средство отвлечь вниманіе народа отъ внутреннихъ дѣлъ.

Въ концѣ концовъ безъ всякаго основательнаго предлога война туркамъ была объявлена. Правитель лично предводительствовалъ войсками. Хотя походы Голицына и закончились неудачно, но „вниманіе народа“ все таки они помогли „отвлечь отъ внутреннихъ дѣлъ“ на два года. Когда же война окончилась, снова возникъ вопросъ: „что дальше? какъ успокоить народъ?“

Голицынъ рѣшился пустить въ ходъ настоящее средство. Онъ задумалъ освободить крестьянъ, дать имъ земли, прекратить гоненія противъ старообрядцевъ, т. е. приверженцевъ тѣхъ старыхъ молитвенныхъ обрядовъ, которые Алексѣй Михайловичъ объявилъ преступными. Это было средство, дѣйствительно, хорошее. Но какъ къ нему приступить? Освобожденіе крестьянъ и передача имъ земли вооружили бы дворянъ противъ правительства. А имѣя противъ себя дворянъ, въ комъ найти защиту и поддержку? Будь на мѣстѣ Голицына общепризнанный государь, онъ не смутился бы передъ этимъ вопросомъ. Но, вѣдь, Голицынъ былъ всего лишь любовникомъ временной правительницы, а правительница эта въ свою очередь должна была передать дѣла Петру, которому уже исполнилось 17 лѣтъ. Наперсникъ правительницы хорошо понималъ, что стоитъ лишь заикнуться объ освобожденіи крестьянъ, и дворянство немедленно станетъ около Петра, и отъ Софьи не останется даже слѣда, прежде чѣмъ она успѣетъ что-либо сдѣлать.

Безъ сомнѣнія, Софья Алексѣевна знала о замыслахъ и опасеніяхъ своего любимца. Въ 1689 году она окончательно рѣшила устранить единокровнаго брата. Былъ составленъ заговоръ на жизнь Петра. Петру удалось спастись отъ заговорщиковъ. Онъ быстро собралъ дворянское ополченіе, свергъ Софью и заточилъ ее въ монастырь. И такимъ образомъ забота объ успокоеніи государства перешла къ Петру Первому.

Петръ Алексѣевичъ царствовалъ до 1725 года. Его называютъ основателемъ русскаго флота, учредителемъ солдатскаго войска *), великимъ побѣдителемъ и великимъ преобразователемъ. О томъ, какъ онъ кутилъ съ нѣмцами и въ то же время неустанно работалъ топоромъ, пилой, молотомъ и шиломъ, какъ былъ полководцемъ и барабанщикомъ, адмираломъ и матросомъ, императоромъ и солдатомъ, и какъ собственноручно колотилъ своихъ вельможъ дубинкою, — обо всемъ этомъ существуетъ множество разсказовъ. Но смыслъ совершеннаго Петромъ вовсе не въ этой дубинкѣ, и не въ томъ, что онъ (довольно таки плохо, какъ оказывается) владѣлъ топоромъ и умѣлъ барабанить; смыслъ даже не во флотѣ и войскѣ. Все это было лишь внѣшность. Суть же дѣла вотъ въ чемъ.

Возьмемъ такой примѣръ. Положимъ, насъ десять человекъ, и мы отправляемся куда-либо въ одно мѣсто, — ну, хоть въ Бѣлобережскій монастырь. Девятеро изъ насъ очень хотятъ именно въ этотъ монастырь и торопятся туда. А десятому, положимъ, хочется вовсе не въ монастырь, а въ кабакъ. Уговорить насъ, что кабакъ лучше монастыря, онъ не можетъ. Силою заставить, чтобы мы шли въ кабакъ, тоже не можетъ. И вдругъ этому человѣку, которому не хочется въ монастырь, приходитъ въ голову удачная мысль: онъ говоритъ:

— Братцы, свернемъ немного въ сторону, тутъ по близости зарытъ кладъ. Давайте, выроемъ его и раздѣлимъ.

Въ первое время мы, навѣрное, будемъ колебаться. Но затѣмъ большинство, по всей вѣроятности, рассудятъ такъ:

— Монастырь все равно не уйдетъ, а кладъ могутъ и другіе перехватить. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, и не взять зарытыя деньги, — вѣдь, это же по дорогѣ?

И если человѣку, которому хотѣлось въ кабакъ, мы вѣримъ, то въ концѣ концовъ неизбежно случится, что одни изъ насъ съ интересомъ, а другіе нехотя, подчиняясь товарищескому большинству, свернуть съ дороги и станутъ искать и разрывать кладъ. Утомившись и увлекшись этой работой мы, навѣрное, сходимъ и въ кабакъ, или по крайней мѣрѣ, пошлемъ туда за водкой. Во всякомъ случаѣ, мы опять направимся въ монастырь не раньше, чѣмъ наше кладонсканіе кончится.

Къ такимъ отклоненіямъ отъ намѣченной цѣли люди прибѣгаютъ и въ частной и въ государственной жизни. Между прочимъ, покойный нѣмецкій министръ Бисмаркъ умѣлъ прекрасно пользоваться

*) До Петра войско было стрѣлцкое. Стрѣльцы въ мирное время жили по семейному, съ женами и дѣтьми, занимались хозяйствомъ. Въ этомъ ихъ главное отличіе отъ солдатъ.

этимъ средствомъ. Когда прусскому королю угрожала опасность лишиться власти, Бисмаркъ разогналъ народныхъ представителей, временно возстановилъ въ Пруссіи самодержавіе, но при этомъ явно сталъ стремиться къ тому, чтобы объединить всѣ нѣмецкія государства подъ властью пруссаковъ. Народъ сообразилъ, что это дѣло хорошее, выгодное, увлекся имъ, помогъ объединить Германію, отнявъ у Французовъ старинныя нѣмецкія города. Такимъ образомъ, нападенія на королевскую власть ослабѣли, и король на много лѣтъ сохранилъ многія свои права неприкосновенными.

Политики это называютъ: поставить передъ народомъ увлекательную и крупную цѣль и тѣмъ отвлечь его отъ другой цѣли, которую онъ самъ себѣ поставилъ и къ которой хотѣлъ идти. Такую увлекательную цѣль придумывали еще вельможи Алексѣя Михайловича: отобрать у Польши старинные русскіе города (напр. Смоленскъ), присоединить Малороссію, попавшую подъ власть поляковъ; эти цѣли ставились и, несомнѣнно, помогали „отвлечь народное вниманіе отъ внутреннихъ дѣлъ“. При Алексѣѣ Михайловичѣ подумывали даже о томъ, чтобы отвоевать доступъ къ морю и устроить флотъ. Но доступъ къ морю можно было имѣть лишь послѣ войны съ прекрасно обученными и хорошо вооруженными шведскими войсками. Для борьбы со шведами нужно было искусно устроенное войско. Чтобы устроить такое войско, нужно имѣть много образованныхъ начальниковъ; значитъ, нужно прежде всего образованіе и школы. Въ Москвѣ же боялись школъ, справедливо полагая, что онѣ вредятъ самодержавію и духовенству*). Мысль о морѣ пришлось поэтому оставить, а, вмѣсто флота, построили лишь единственный корабль на Каспійскомъ морѣ, да и тотъ былъ сожженъ Разиннымъ.

Василій Голицынъ придумалъ другую, хотя врядъ ли удачную, цѣль: освободить нашихъ „братушекъ“ и единовѣрцевъ балканскихъ славянъ изъ-подъ турецкаго ига. Эта цѣль годилась лишь потому, что для войны со шведами нужны школы, а для войны съ турками и наши доморощенные войска не плохи. Но сами по себѣ балканскіе „братушки“ были ужъ слишкомъ далеки и мало вѣдомы народу. Да и походы Голицына противъ турокъ закончились плачевно.

Петръ взялъ готовую мысль о морѣ и не остановился передъ тѣми трудностями, которыя пугали Алексѣя Михайловича. Видя, что нѣтъ русскихъ начальниковъ для устройства искуснаго войска, сталъ звать иностранцевъ; самъ поѣхалъ за границу, другихъ посылалъ

*) Объ этомъ подробнѣе сказано въ моей книжкѣ: „Изъ исторіи русской школы“.

туда учиться, завелъ школы. Патріархъ сильно негодовалъ на наплывъ иностранцевъ. Говорилъ, что отъ этого страдаетъ православная церковь и православная „святыня“. Но Петра всего труднѣе было испугать святынями. Въ насмѣшку надъ „его всесвятѣйшествомъ“ патріархомъ онъ своему собутыльнику и непремѣнному участнику царскихъ кутежей далъ титуль: „его всепьянѣйшество“, издѣвался надъ патріархомъ во время пооекъ, а потомъ и вовсе уничтожилъ патріаршество. Собравши войско, онъ бросился на турокъ: потерпѣлъ жестокою неудачу. Но какъ человѣкъ съ большимъ характеромъ, онъ не потерялся, быстро собралъ новыя силы, опять пошелъ туда же и взялъ крѣпость Азовъ. Такимъ образомъ, былъ „пробить первый доступъ“ къ Азовскому морю, отнятый, впрочемъ, у Петра спустя нѣсколько лѣтъ тѣми же турками. Затѣмъ онъ бросается на шведовъ, къ Балтійскому морю и терпитъ подъ Нарвой тяжкое пораженіе. Однако, не падаетъ духомъ. Носится неустанно изъ одного конца царства въ другой. Собираетъ войско и деньги, овладѣваетъ устьемъ рѣки Невы и торопится показать народу, что „пробить“ доступъ и во второму морю. Хотя война со шведами только начиналась, и многие были убѣждены, что русскіе будутъ побѣждены, однако, Петръ немедленно со страшными затратами строить на шведской землѣ городъ Петербургъ. И при томъ строить на такомъ невылазномъ болотѣ, что даже старожилы здѣшніе, чухонцы, удивлялись и сложили сказаніе, будто русскіе строили городъ на воздухѣ, а потомъ сразу опустили на землю, — только поэтому, дескать, онъ и не утонулъ въ болотной тинѣ. Война со шведами тянулась 21 годъ. Но едва она кончилась, Петръ, имѣвшій отъ роду уже 50 лѣтъ, мчится къ третьему, Каспійскому морю, объявляетъ войну Персіи и старается овладѣть далекими городами Дербентомъ и Баку, за нѣсколько тысячъ верстъ отъ своей новой столицы—Петербурга.

Черезъ 2 года послѣ персидскаго похода Петръ умеръ. Его преемники не выдумывали новой „увлекательной цѣли“, да и нечего было выдумывать. Оставалось лишь продолжать завоеваніе новыхъ морей и „забраніе подъ русскую власть новыхъ земель“. Каждый новый государь какъ бы задавалъ себѣ вопросъ: что еще не забрано и что еще надо забрать? А забирать было что.

Сначала надо было забрать Азовъ, ибо онъ отнять у Петра Великаго турками. Потомъ надо было забрать „западную Русь“, т. е. Литву, Бѣлороссію и часть Малороссіи, ибо это старинныя русскія области, отошедшія подъ власть Польши. Затѣмъ надо было забрать саму Польшу да кстати ужъ и Финляндію. Потомъ оказалось, надо забрать „Новороссію“, т. е. черноморскія степи, да нельзя же и

безъ того, чтобы не забрать Кавказъ. Далѣе оказалось, что надо забрать Индію, потому что очень ужъ страна богатая. Правда, до Индіи добраться не удалось: англичане не пустили. Но по дорогѣ встрѣтилась Средняя Азія: нельзя же ее оставить не покоренной. Потомъ оказалось, что православныхъ грековъ, отъ которыхъ мы вѣру приняли, турки обижаютъ: развѣ можно оставить это дѣло и не побить турокъ? Потомъ пришлось вспомнить и Василя Голицына: нельзя же въ самомъ дѣлѣ нашихъ единовѣрцевъ—балканскихъ „братушекъ“ не освободить отъ турецкаго ига! Потомъ оказалось, что есть въ Китаѣ большая область — Манчурія. Лежитъ рядомъ съ нашими владѣніями. Разумѣется, нужно и ее забрать. Кстати и названіе Китаю хорошее въ Петербургѣ придумано: „Желтороссія“. Такъ что, если и весь Китай взять да переименовать его въ Желтороссію, то выйдетъ чрезвычайно пріятно. Да и нельзя намъ не забрать эту самую „Желтороссію“, ибо „намъ нуженъ незамерзающій портъ на Великомъ океанѣ“, а въ Китаѣ есть прекрасные незамерзающіе порты: напр., Портъ-Артуръ. Правда, еще есть незамерзающіе берега въ Корей. Но это значить, что необходимо забрать и Корею. Такъ оно и пошло отъ одного забранія къ другому вплоть до нашихъ дней.

Однако, между Петромъ Алексѣвичемъ и его подражателями есть разница. Во-первыхъ, хоть подъ конецъ своей жизни онъ, видимо, понялъ, что одними завоеваніями обойтись нельзя, и что надо также упорядочить внутреннія дѣла. Онъ даже посылалъ своего вельможу въ Швецію — списать тамошніе законы. Къ сожалѣнію, изъ этого списыванія ничего путнаго не вышло.

Во-вторыхъ, Петръ обладалъ драгоцѣннымъ качествомъ, какого не имѣли преемники: онъ умѣлъ находить въ помощники себѣ способныхъ и толковыхъ людей. Способными и толковыми людьми Россія никогда не была бѣдна. Но, къ сожалѣнію, ихъ чаще всего постигала такая же горькая участь, какая выпала на долю одного безвѣстнаго изобрѣтателя летательной машины, жившаго при Петрѣ Великомъ. Это былъ простой крестьянинъ. Онъ придумалъ, какъ устроить крылья, на подобіе птичьихъ, и какъ управлять ими. Хорошо понимая, какое это важное дѣло, онъ, по тогдашнему обычаю, въ базарный день вышелъ на середину одной московской площади и сталъ кричать „караулъ“. Встарину этимъ крикомъ вызывали правительственную стражу. Стража подбѣжала къ кричавшему. Тогда онъ заявилъ, что знаетъ „государево слово и дѣло“. По закону, всякаго, сдѣлавшаго такое заявленіе, стража обязана была представить по начальству. Начальнику же этотъ безвѣстный изо-

обрѣтатель сказалъ, что онъ съумѣетъ устроить летательную машину, если ему дадутъ на это средства; летать же онъ обѣщался на своей машинѣ съ быстротою журавля. При Петрѣ интересовались такими новинками. Начальство согласилось строить крылья на казенный счетъ и ассигновало на это что-то около 7 рублей. Къ сожалѣнію крылья оказались такъ тяжелы, что изобрѣтатель не могъ управлять ими. Тогда онъ просилъ разрѣшенія построить другія, полегче. Но начальство разсердилось и приказало избить изобрѣтателя палками до полусмерти.

Куда послѣ этого дѣлся этотъ человекъ, мысль котораго много лѣтъ спустя до нѣкоторой степени осуществлена за границей, иностранцами,—Богъ вѣсть. Но ужъ одно появленіе такихъ людей показываетъ, что государю было откуда найти себѣ помощниковъ. И Петръ Великій умѣлъ находить ихъ. Онъ не стѣснялся приближать къ себѣ людей самаго „низкаго“ званія, если считалъ, что они полезны. Петръ смотрѣлъ на себя, какъ на прирожденнаго государя, и не видѣлъ никакого ущерба для себя въ томъ, что его окружаютъ министры, которые вовсе не отличаются знатностью происхожденія. Преемники Петра смотрѣли на себя не такъ. Да и не могли они по совѣсти считать себя прирожденными государями.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Наслѣдники Петра I.

Умирая, Петръ успѣлъ написать слова: „отдать все“... Но кому отдать, его оконченѣвшая рука написать не могла. И очень трудно рѣшить, кого онъ хотѣлъ назначить наслѣдникомъ. Отъ первой жены Евдокіи Петръ имѣлъ сына Алексѣя. Но когда государь близко сошелся съ своей любимицей Анною Монсъ, то Евдокія попала въ монастырь и все время находилась въ ссылкѣ. Впрочемъ, Анна Монсъ завела себѣ другого любимца и за это была посажена въ тюрьму.

Алексѣй Петровичъ не любилъ отца и сталъ во главѣ недовольныхъ его правленіемъ. Петръ пригрозилъ ему за это казнью. Тогда Алексѣй скрылся—было за границу. Оттуда отецъ выманилъ его и посадилъ въ Петропавловскую крѣпость. Здѣсь Алексѣй Пр-

ровича подвергли жестокой пытке и замучили. Прошелъ слухъ, что Петръ задушилъ сына своими руками. У несчастнаго царевича остался, однако, сынъ, нареченный въ честь дѣда Петромъ. Этотъ внукъ царя—Петръ Алексѣевичъ былъ единственнымъ мужскимъ потомкомъ блаженной памяти царя Михаила Ѳедоровича Романова (съ разсказами, что Петръ Великій былъ сынъ не Алексѣя Михайловича, мы, конечно, не считаемся). Кромѣ того, у Петра Великаго были двѣ дочери: Анна и Елизавета, отъ второй его законной жены Екатерины. Судьба этой Екатерины замѣчательна.

Раньше она называлась Мартой и дѣтство провела въ Ливоніи. Когда въ Ливонію пришли русскія войска, то Марта за свою красоту попала въ наложницы къ полковнику Балку, при которомъ она жила подъ видомъ солдатской прачки. Въ этомъ чинѣ увидѣлъ ее вельможа Меншиковъ и взялъ къ себѣ. А отъ Меншикова она перешла къ государю. Въ Россіи продавалась даже печатная картинка, гдѣ было нарисовано, какъ Меншиковъ дарить государю Маргу; надпись надъ картинкой объясняла, что такъ поступаютъ вѣрноподданные вельможи,—они отдають государю самое драгоценное, что у нихъ есть.

Марта находилась при дворцѣ въ качествѣ жены придворнаго повара и носила фамилію Скавронской. Еще до брака государь прижилъ съ нею двухъ дочерей. Марта приняла православіе и стала называться Екатериной Алексѣевной. Потомъ царь обвинчался съ нею. Около этого времени она выучилась подписывать свою фамилію и немножко писать другія слова и цифры. Незадолго до смерти Петръ короновалъ ее императорскою короною. Но вслѣдъ затѣмъ раскрылась какая-то темная исторія, въ которую былъ запутанъ братъ Анны Монсъ, знаменитый шутъ Балакиревъ, и многія другія лица. Всѣ они понесли жестокое наказаніе, а Петръ замѣтно охладѣлъ къ своей супругѣ.

Кромѣ внука, дочерей и жены Петръ имѣлъ еще племянницу Анну Ивановну, дочь Ивана Алексѣевича. Она была выдана замужъ за курляндскаго герцога, но скоро овдовѣла. Вотъ почти и всѣ тѣ родственники, кому государь, умирая, могъ передать царство (другихъ, менѣе замѣтныхъ, не упоминаемъ). Когда государь уже кончался, Екатерина была очень озабочена. Къ ней то и дѣло приходили офицеры гвардейскихъ (Преображенскаго и Семеновскаго) полковъ. Она имъ выдавала жалованье (почему-то сразу за нѣсколько мѣсяцевъ) и какую-то награду солдатамъ, по 30 руб. на человѣка. Наконецъ, Петръ умеръ. Вельможи собрались, чтобы обсудить, кому же быть царемъ. Въ это время появились гвардейскіе солдаты въ

полномъ боевомъ снаряженіи. Тогдашній военный министр Рѣпинъ страшно разсердился, видя это:

— Я получилъ приказаніе отъ Ея Императорскаго Величества Государыни Имперетрицы Екатерины Алексѣевны, — отвѣтилъ на это подполковникъ Бутурлинъ. Прочіе офицеры съ своей стороны заявили, что надо дать присягу „Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ“, и при этомъ не скрывали, что если вельможи не подчинятся, то солдатамъ будетъ отданъ приказъ стрѣлять. Оставалось лишь покориться офицерской волѣ, хотя дѣло Монсъ всѣ прекрасно знали и всѣ понимали, что Петръ Великій не имѣлъ намѣренія передать престолъ своей супругѣ, противъ которой былъ очень недоволенъ. Впрочемъ, эти соображенія понадобилось скрыть. А Екатерина Алексѣевна объявила въ своемъ манифестѣ, что вступаетъ на престолъ по завѣщанію Петра I.

Вступивши на престолъ, государыня распорядилась, чтобы Монсъ, Балакиревъ и другія лица, замѣшанныя въ дѣло объ ея невѣрности покойному мужу, были возвращены изъ ссылки. Самое дѣло это государыня приказала запечатать и положить въ секретный архивъ, а одинъ наиболѣе неприятный ей документъ вовсе сжечь.

Такимъ образомъ престолъ перешелъ къ супругѣ Петра I. Ближнимъ къ государынѣ человѣкомъ сталъ ея бывший покровитель Меньшиковъ. Кромѣ того, государыня приблизила къ себѣ своего зятя, герцога Гольштинскаго „Карла Фридриховича“. Судьба этого Карла тоже замѣчательна. Это былъ болѣзненный, невзрачный и не блиставшій умомъ нѣмецъ. Его отцовское наслѣдственное владѣніе Гольштинію отнялъ датскій король. И Карлъ-Фридрихъ явился въ Россію просто затѣмъ, чтобы просить себѣ помощи. Такихъ нѣмцевъ, которымъ пока некуда дѣваться на родинѣ, много наѣзжало въ Петербургъ. Екатеринѣ, однако, бывший гольштинскій герцогъ понравился. Она выдала за него свою дочь Анну Петровну. Но и послѣ брака „Карлъ Фридриховичъ“ оставался гораздо ближе къ тещѣ, нежели къ своей супругѣ, которую не любилъ (а можетъ быть показывалъ лишь видъ, что не любитъ, надѣясь этимъ угодить своей покровительницѣ). Видя такую холодность мужа, Анна Петровна завела себѣ любимцевъ. Впрочемъ, Меньшиковъ далъ ему миліонъ рублей изъ казны пособія и выжилъ за границу. За границей Анна Петровна родила сына, нареченнаго Карломъ. Этому ребенку впоследствии суждено было стать во главѣ крупныхъ событій. Изъ приближенныхъ къ государынѣ женщинъ замѣчательна между прочимъ ея статсъ-дама Анна Крамеръ, которая была раньше наложницей казанскаго губернатора Апраксина; потомъ Апраксинъ по-

дарилъ ее Петру I; благодаря этому, она стала придворной дамой. Впослѣдствіи эта Анна Крамеръ вмѣстѣ со своей подругой Каро, публичной дѣвицей изъ Гамбурга, совершила кражу, за что и была посажена въ тюрьму. Кромѣ того, къ государынѣ была близка женщина неизвѣстнаго происхожденія, которую называли почему-то „Юганной Петровной“. Объ этой Юганнѣ Петровнѣ французъ Кампредонъ въ своихъ запискахъ пишетъ: „мамзель Юганна хранить всѣ любовные секреты государыни“. О томъ, какъ государыня императрица проводила время, саксонскій посоль писалъ своему королю слѣдующее:

— „Меньшиковъ являлся каждое утро и постоянно заставлялъ Екатерину въ постели. Разговоръ между ними неизбѣжно начинался всегда съ одной и той же фразы: „Ну, что-жъ мы будемъ нынче пить?“ Затѣмъ приступали къ винопитію. По началу выпивалось нѣсколько стакановъ водки. Далѣе шли вина, ликеры, наливки и настойки“.

Вслѣдъ за Меньшиковымъ являлись другіе приближенные. И пиръ шелъ до поздней ночи, а иногда и до 9 часовъ утра. Такъ что „утро“ при дворцѣ собственно назывался вечеръ. При Екатеринѣ Алексѣевнѣ, по вычисленіямъ датскаго посла, на водку для императорскаго стола тратилась десятая часть всѣхъ государственныхъ доходовъ. Надо замѣтить, что Екатерина любила выпить еще до связи съ Петромъ. При Петрѣ любовь къ выпивкѣ усилилась. А послѣ смерти мужа она уже не стѣснялась. Порою государынѣ надоѣдали приближенные. Тогда она пріѣзжала на солдатскіе смотры и выбирала бравыхъ солдатъ для представленія ко дворцу. Отъ слишкомъ невозддержной жизни она скончалась въ 1727 году, процарствовавши всего 2 года.

Послѣ ея смерти вельможи рѣшили объявить царемъ десятилѣтняго мальчика Петра Алексѣевича. Этотъ внукъ Петра Великаго казался умнымъ и скромнымъ мальчикомъ. Онъ очень нравился своей теткѣ Елизаветѣ Петровнѣ. Елизавета со своими приближенными проводила время такъ же весело, какъ и ея покойница-мать. И въ этотъ кружокъ былъ втянутъ малолѣтній императоръ. Близость между нимъ и его красавицей теткой пошла гораздо дальше, чѣмъ полагается для столь близкихъ родственниковъ. Такое кровосмѣшеніе осуждали даже вельможи, ко всему привыкшіе во времена Екатерины Алексѣевны. Малолѣтнему Петру II, однако, нравилось кутить и проводить время съ теткой. Подъ видомъ охоты они путешествовали по полямъ и лѣсамъ, съ многочисленной стражей. Затѣмъ государь приказалъ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ разѣзжали сенаторы и вельможи.

— Въ Россіи правительство окончательно забастовало—въ ужасѣ доносили иностранные послы своимъ королямъ.—Эта несчастная страна теперь живетъ безъ правительства.

Въ концѣ концовъ, племянникъ, конечно, надоѣлъ теткѣ, а тетка перестала увлекать племянника. Петръ II сблизился съ другими женщинами. Но по прежнему продолжалъ охотиться и веселиться, пока не заболѣлъ оспой; умеръ въ 1730 году; 14 лѣтъ отъ роду. Мужское поколѣніе Михаила Федоровича окончательно пресѣклось. Вельможи объявили императрицѣ вдовствующую курляндскую герцогиню Анну Ивановну. Но предварительно они взяли съ нея письменное обязательство: не раздавать земель, не объявлять войны, не заключать мира, не издавать новыхъ законовъ безъ согласія совѣта вельможъ. Анна Ивановна безъ колебанія подписала эти условія. А затѣмъ пущены были въ ходъ гвардейскіе полки такъ же, какъ это сдѣлала Екатерина. Пьяные гвардейцы ворвались во дворецъ и потребовали уничтоженія обязательства. Анна Ивановна чрезвычайно охотно подчинилась этому требованію: собственноручно разорвала договоръ и объявила себя самодержицей.

Впрочемъ, всю свою жизнь она государственными дѣлами не занималась. Государыня проводила дни со своими шутами и шутихами, а вечера и ночи на балахъ и вечеринкахъ. Умомъ она напоминала своего родителя—Ивана Алексѣевича. А нравъ у нея былъ легкій и мужелюбивый. Управление дѣлами она возложила на своего любимца, бывшего придворнаго кучера Бирона, котораго, вступивши на престолъ, повелѣла называть курляндскимъ герцогомъ и герцогскимъ высочествомъ. Его герцогское высочество Биронъ управлялъ Россіей 10 лѣтъ. Анна Ивановна желала обезпечить его и послѣ своей смерти и сдѣлала это такъ.

При ея дворѣ появился нѣмецкій принцъ Антонъ Брауншвейскій. Не задолго до смерти императрицы жена этого принца родила сына. Новорожденнаго назвали Иваномъ. Умирая, Анна Ивановна завѣщала, чтобы императоромъ былъ объявленъ младенецъ Иванъ Антоновичъ, и чтобы до его совершеннолѣтія дѣлами управлялъ по прежнему Биронъ. Въ 1740 году ивана Антоновича объявили императоромъ. Но прежде чѣмъ Биронъ успѣлъ „устранить младенца“ и присвоить себѣ не только управленіе, но и корону, мать Ивана Анна Леопольдовна обратилась къ испытанному средству: къ гвардейцамъ. Двадцать гвардейцевъ ночью схватили Бирона, посадили его въ Шлиссельбургскую крѣпость и объявили Анну Леопольдовну правительницей Россіи. Но затѣмъ гвардейскихъ солдатъ привлекла Елизавета Петровна, которая такъ своеобразно воспитывала своего племянника

Петра II. Съ преданными ей гвардейцами она ночью явилась во дворець, арестовала правительницу и ея грудного ребенка—императора. Несчастнаго младенца Елизавета взяла на руки и велѣла отвезти сначала въ Холмогоры, а потомъ его заточили навсегда въ Шлиссельбургскую крѣпость. Въ крѣпости онъ прожилъ около 20 лѣтъ и былъ убитъ уже при Екатеринѣ II.

Елизавета Петровна въ своемъ манифестѣ объявила, что вступаетъ на престоль „по всеусердному всеѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ желанію“. Она была послѣднимъ прямымъ отпрыскомъ царствовавшей фамиліи. Говорять, у нея были свои дѣти отъ тайнаго брака съ Разумовскимъ. Но это секретное потомство государыня предпочла и оставить въ секретѣ. Наиболѣе извѣстна лишь судьба княжны Таракановой, которая называла себя дочерью Елизаветы. Тараканова при Екатеринѣ II была заточена въ Петропавловскую крѣпость и тамъ погибла, по однимъ свѣдѣніямъ отъ наводненія, затопившаго подземелье, гдѣ она сидѣла, по другимъ—просто отъ чахотки.

Елизавета Петровна привлекла къ себѣ изъ Германіи гольштинскаго принца Карла-Ульриха, отецъ котораго, какъ уже сказано, былъ любимцемъ покойной Екатерины I, супруги Петра Великаго. Карла-Ульриха императрица женила на нѣмецкой принцессѣ Софьѣ-Фредерикѣ Ангальтъ-Цербтской. Какъ бы вспомнивши своихъ родителей, Елизавета Петровна назвала Карла-Ульриха—Петромъ, Софью Фредерику—Екатериной, а фамилію имъ опредѣлила: Романовы. Этого нареченнаго Петра государыня и назвала наслѣдникомъ престола.

Елизавета Петровна оставила государственную казну въ глубокомъ разстройствѣ. Отчасти это случилось потому, что она чрезвычайно щедро награждала своихъ любимцевъ: напримѣръ, одинъ только графъ Разумовскій за свою службу получилъ сто тысячъ душъ крестьянъ, не считая денежныхъ наградъ изъ казны. Отчасти же государыня не мало тратила на увеселенія и наряды. Послѣ ея смерти осталось безчисленное множество платьевъ: однихъ только золотошвейныхъ насчитали свыше 4000.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Петръ III и его супруга.

Карль-Ульрихъ вступилъ на престоль въ 1761 году подъ именемъ Петра III Ѳедоровича. Еще до этого онъ поражалъ своими странностями: имѣя отъ роду около тридцати лѣтъ, онъ, однако, игралъ игрушечными солдатиками, усиленно занимался стрѣльбой

изъ игрушечныхъ пушекъ горохомъ, ловиль крысъ и устраиваль надъ ними военно-полевые суды. Сдѣлавшись императоромъ, онъ началъ съ того, что объявилъ себя подвластнымъ прусскаго короля Фридриха, возвратилъ этому Фридриху завоеванныя у него русскими войсками владѣнія, всячески старался показать, что Россію ненавидить и употребить всѣ мѣры, чтобъ ее онѣмечить. Эти чрезвычайно странныя выходки „Петръ Ѳедоровичъ“, ни слова не говорившій по русски, завершилъ знаменитымъ указомъ „о вольности дворянской“.

Значеніе этого указа необходимо объяснить подробнѣе. Мы уже знаемъ, что еще со временъ Ивана Грознаго государи считались владѣтелями всей русской земли. Оброкъ шелъ въ царскую казну, которую государи тратили, по своей волѣ,—и на собственныя надобности, и на государственныя дѣла. Впослѣдствіи это было нѣсколько упорядочено. Наиболѣе доходныя земли были „отписаны на государя“. Такъ какъ имѣнія, съ которыхъ доходъ шелъ въ пользу государя, очень обширны, то для управленія ими при Елизаветѣ Петровнѣ учреждено было особое вѣдомство, подъ названіемъ: „Кабинетъ Его Императорскаго Величества“. Кабинетъ Его Величества существуетъ до сихъ поръ. И земли, съ которыхъ онъ собираетъ доходъ, называются кабинетскими. Такихъ кабинетскихъ земель нынѣ въ Россіи свыше 50 милліоновъ десятинъ. И доходъ съ нихъ идетъ въ личную собственность государя. Прочія же земли хотъ и считались по прежнему царскими, и распорядился ими только царь, тѣмъ не менѣе доходъ съ нихъ сталъ идти не въ царскую, а въ государственную казну, а потому и были названы казенными. Правда, распоряженіе государственной казной также находилось въ рукахъ государя. И государи свободно брали изъ казны, когда кабинетскихъ доходовъ не хватало. А впослѣдствіи и все вообще содержаніе императорскаго двора было отнесено на счетъ государственной казны. Но по крайней мѣрѣ на бумагѣ различіе между казенными и кабинетскими землями существовало, какъ существуетъ до сихъ поръ.

Изъ земель, нынѣ называемыхъ казенными, государь раздавалъ помѣстья. Но помѣстья давались только за службу. И помѣщикъ владѣлъ ими только до тѣхъ поръ, пока служилъ. Позже Петръ Великій передалъ дворянамъ помѣстья въ потомственное владѣніе. Но одновременно онъ обязалъ ихъ служить. По достиженіи извѣстнаго возраста каждаго дворянина брали на службу, какъ теперь берутъ людей въ солдаты. Правительство распредѣляло дворянскихъ недорослей по канцеляріямъ и полкамъ, т. е. на гражданскую или на

военную службу. И дворянинъ былъ обязанъ служить, пока государь не уволитъ его въ отставку.

Правда, Биронъ, чтобы привлечь дворянъ на свою сторону, издалъ законъ о 25-лѣтней службѣ. По этому закону дворянинъ прослуживши 25 лѣтъ, имѣлъ право отказаться отъ дальнѣйшей службы и выйти въ отставку. Правда и то, что преемники Петра Великаго вообще старались облегчить дворянскую службу. Дворянамъ, напримеръ, разрѣшалось записывать своихъ новорожденныхъ дѣтей въ полки. Благодаря этому двухмѣсячный ребенокъ оказывался солдатомъ; въ полковой канцеляріи вели его послужной списокъ; за выслугу лѣтъ его представляли къ чинамъ. Такъ что пятнадцати-лѣтній мальчикъ являлся въ „свой полкъ“ уже офицеромъ и тѣмъ освобождался отъ несенія солдатской лямки.

Благодаря закону Бирона явилась даже возможность прожить спокойно все дѣтство и юность до 25 лѣтъ въ своей усадьбѣ (записавшись, конечно, на службу) и затѣмъ, не служивши ни одного часа, подать прошеніе объ отставкѣ. Но все это было такъ сказать попустительствомъ. Законъ же состоялъ въ томъ, что дворяне владѣютъ землею за свою службу и только за службу. Земля, такимъ образомъ, оставалась по закону казенной. И только Петръ III совершенно освободилъ дворянъ отъ обязательной службы, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставилъ имъ пользоваться и владѣть землями по прежнему, какъ было во времена обязательной службы. Иначе говоря онъ подарилъ дворянамъ всѣ помѣстья.

Освобожденіе отъ обязательной службы и было названо указомъ о вольности дворянской. Конечно, дворяне встрѣтили этотъ указъ восторженно. Они называли новаго царя освободителемъ отечества. О Петрѣ III стали говорить, что онъ „Россіи далъ вольность и благоденство“. Сенатъ постановилъ воздвигнуть въ знакъ благодарности золотую статую императора. Но вскорѣ господамъ сенаторамъ пришлось старательно забыть о своемъ постановленіи.

Въ дѣло снова вмѣшались гвардейскіе солдаты. Петръ открыто сталъ жить съ своей любимицей Воронцовой, а жену хотѣлъ сослать въ монастырь. Софья-Фредерика, названная Екатериною Алексѣевной, при помощи своего любимца Орлова привлекла къ себѣ гвардію. Петръ былъ свергнутъ съ престола, и вскорѣ задушенъ Алексѣемъ Орловымъ. А его супруга объявила себя императрицей и царствовала 34 года подъ именемъ Екатерины II. Впрочемъ, при восшествіи на престолъ она подтвердила указъ мужа „о вольности дворянской“ не только словами, но и дѣлами.

Издавши свой указъ о вольности, Петръ III подарилъ дворянамъ

всю старопожалованную казенную землю. А затѣмъ сталъ щедро раздаривать казенную землю, которая во владѣннн дворянъ до той поры не находилась. Напр., своему приближенному Гудовичу онъ подарилъ 15000 десятинъ. Екатерина II, вступивши на престолъ, въ первый же мѣсяцъ подарила 18 тысячъ душъ казенныхъ крестьянъ разнымъ лицамъ, которыя помогли ей свергнуть мужа, и кромѣ того велѣла выдать имъ изъ казны почти полтора милліона рублей. Награждала Екатерина щедро: напимѣръ, даже дворцовый лакей Шкуринъ получилъ тысячу душъ крестьянъ. Конечно, крестьянъ государыня дарила вмѣстѣ съ землею, на которой они жили.

Екатерина II не скупа была на подарки. Она имѣла такой же веселый и мужелюбивый нравъ, какъ и Екатерина I. И сохранила этотъ нравъ до конца жизни. Одинъ изъ ея современниковъ полякъ Чарторійскій рассказываетъ въ своихъ запискахъ, недавно напечатанныхъ въ журналѣ „Историческій Вѣстникъ“, что у государыни даже когда ей было уже около 65 лѣтъ, „глаза горѣли огнемъ и страстью“. Бывало—говорить онъ—вечеромъ Екатерина играетъ со своими приближенными въ карты. Но вдругъ не выдерживаетъ, оставляетъ игру и идетъ въ свои покои. Послушный этому знаку, ея любимецъ также оставляетъ игру и шель за своею повелительницею. Такою была государыня въ 65 лѣтъ. Въ молодости у нея, конечно, живости было гораздо больше.

Она вступила на престолъ 33 лѣтъ отъ роду. Въ это время ея любимцемъ былъ Орловъ, отъ котораго она еще при жизни мужа тайно родила сына. Этотъ побочный сынъ былъ щедро обеспеченъ матерью; отъ него произошли графы Бобринскіе, нынѣ знаменитые своими богатствами. Напимѣръ, одинъ изъ теперешнихъ Бобринскихъ имѣетъ 30.600 десятинъ въ Кіевской губ., 15.300 десятинъ въ Тульской, 2.900 десятинъ въ Курской, 4.300 въ Петербургской. Орловъ былъ близокъ къ государынѣ довольно долго. За свою службу онъ получилъ въ награду сорокъ пять тысячъ крестьянъ и свыше восьмидесяти милліоновъ деньгами и драгоценностями. Братъ Орлова также пользовался милостями государыни. Эти Орловы получили графскій титулъ, и потомки ихъ носятъ фамилію Орловыхъ-Давыдовыхъ. Орловы-Давыдовы теперь тоже славятся своими богатствами. Въ настоящее время, напр., одинъ только графъ А. В. Орловъ-Давыдовъ имѣетъ 40.363 десятины.

Слѣдующій любимецъ государыни кн. Васильчиковъ былъ близокъ недолго: всего 1 годъ и 9 мѣсяцевъ. Онъ получилъ за свою службу семь тысячъ душъ крестьянъ, около милліона деньгами и драгоценностями, да еще велѣно было выдать ему пенсію, — по

100 тысячъ рублей въ годъ. Родъ Васильчиковыхъ нынѣ также славится своими богатствами. Изъ нихъ князь Б. А. Васильчиковъ, назначенный въ 1906 г. послѣ роспуска государственной думы на постъ министра земледѣлія, имѣеть „много десятковъ тысячъ десятинъ земли въ нѣсколькихъ губерніяхъ“ („XX-й Вѣкъ“). Затѣмъ наперсникомъ государыни около 2 лѣтъ былъ гвардейскій поручикъ Потемкинъ, получившій за свою службу княжескій титулъ, 37 тысячъ душъ крестьянъ, сорокъ пять милліоновъ деньгами, да и самъ онъ имѣлъ волю брать изъ казны, сколько ему нужно.

Еще при Потемкинѣ къ государынѣ приблизился на нѣкоторое время Завадовскій; онъ получилъ графскій титулъ, 2000 душъ крестьянъ, около 400 тысячъ деньгами, да еще велѣно было выдавать ему пенсію,—по 25 тысячъ рублей въ годъ. Завадовскаго смѣнилъ Зоричъ, по происхожденію сербъ. Онъ былъ наперсникомъ государыни всего 11 мѣсяцевъ. За свою службу онъ получилъ во владѣніе мѣстечко Шкловъ, громадное имѣніе въ Лифляндіи, домъ въ Петербургѣ около зимняго дворца и деньгами около 2 милліоновъ. Зорича смѣнилъ Римскій-Корсаковъ, Римскаго-Корсакова—Ланской, Ланского—Ермоловъ, Ермолова—Мамоновъ, Мамонова—Зубовъ. Кромѣ этихъ главныхъ любимцевъ было много случайныхъ,—вродѣ гвардейскаго солдата Скобелева,—и всѣ они за свою службу получили щедрую награду. Въ среднемъ государыня ежегодно дарила своимъ приближеннымъ около 23400 душъ казенныхъ крестьянъ, а всего за 34 года ею было роздано 800.000 душъ, т. е. почти двадцатая часть всего тогдашняго населенія Россійской имперіи. Отмѣтимъ кстати, что сынъ и преемникъ Екатерины II раздавалъ ежегодно въ среднемъ около 120 тысячъ душъ казенныхъ крестьянъ въ годъ, а всего успѣлъ раздать около 600 тысячъ. Такимъ образомъ, тремя государями за сорокъ лѣтъ со времени указа о „вольности дворянской“ была отдана дворянамъ десятая часть всего населенія Россіи, живущаго на заселенныхъ земляхъ. Это—не считая старопожалованныхъ помѣстій. Кромѣ того, раздавалась земля въ малолюдныхъ областяхъ: напр., въ Екатеринославской, Таврической, Херсонской и въ другихъ губерніяхъ. Въ одной только Саратовской губерніи втеченіе одного только 1800 года было подарено дворянамъ 213 тысячъ десятинъ казенной земли.

Соотвѣтственно измѣнилось и положеніе крестьянъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ крестьяне на дѣлѣ были обращены въ крѣпостное состояніе, хотя на бумагѣ продолжали считаться свободными. Уже тогда помѣщики торговали крестьянами оптомъ и въ розницу, промѣнивали ихъ на утварь и на домашнихъ животныхъ. Хотя Петръ

Великій и возмущался, что въ Россіи мужиковъ продають, „яко скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится“, однако, изъ этого возмущенія ничего не вышло. И правительство начало постепенно объявлять законнымъ тотъ порядокъ, который уже былъ утвержденъ дворянами.

Такъ, Екатерина Первая запретила крестьянамъ уходить на промыслы, Биронъ запретилъ имъ брать подряды, Елизавета Петровна предоставила дворянамъ право ссылатъ крестьянъ въ Сибирь, затѣмъ выдаваемые крестьянами долговья расписки были объявлены недѣйствительными, т. е. у крестьянъ отняли возможность дѣлать займы подъ векселя и расписки. А это помогло чрезвычайно затруднить для крестьянъ занятіе торговлею. Оставалось, однако, многое, о чемъ законъ умалчивалъ. Напримѣръ: имѣють ли право помѣщики насиловать крестьянскихъ дѣвушекъ? запрещать браки или принуждать къ заключенію браковъ? заставлятъ крестьянъ работать на себя, т. е. вводить вмѣсто оброка барщину? могутъ ли вымѣнивать на собакъ? заставлятъ крестьянскихъ женъ, чтобы онѣ бросали своихъ грудныхъ дѣтей и кормили грудью борскихъ щенятъ? продавать женщину отдѣльно отъ ея мужа и дѣтей, дѣтей отдѣльно отъ родителей? Само правительство нѣсколько смущалось, что нѣтъ „точного закона“ о томъ, какъ поступать, если крѣпостной человѣкъ „помретъ въ скорости“ послѣ побоевъ, нанесенныхъ ему господиномъ.

Словомъ, права, помѣщиковъ и обязанности крестьянъ не были опредѣлены закономъ. Между тѣмъ, дѣла творились прямо таки невѣроятныя. Нѣкоторые помѣщики ввели напр., такое наказаніе: если крестьянинъ не исполнилъ барскаго приказанія или не внесъ полностью оброка, то его валили на землю, вязали и ошпаривали голову кипяткомъ. Одна барыня очень любила смотрѣть, какъ голыхъ людей порютъ, и потому, когда она обѣдала, около нея въ столовой пороли крестьянъ, и при томъ не за вину, а такъ, „для возбужденія у барыни аппетита“, и потому идти въ столовую на порку было, такъ сказать, натуральною повинностью. Эта натуральная повинность чаще всего выпадала на долю кухарки, потому что барыня любила, чтобы за ея обѣдомъ пороли именно ту кухарку, которая варила этотъ обѣдъ.

Помѣщичьи звѣрства были ужъ слишкомъ возмутительны. Между тѣмъ, положеніе правительства было безвыходное. Если признать въ законномъ порядкѣ помѣщичью власть надъ крестьянами безграничной, то крестьяне перестанутъ вѣрить правительству и взбунтуются. А если издать законъ, ограничивающій власть помѣщика, то останутся недовольны помѣщики; а такъ какъ всѣ гвардейскіе

офицеры изъ помѣщиковъ, то недовольство проникнетъ и въ гвардію, которая уже привыкла смѣщать однихъ государей и сажать на ихъ мѣсто другихъ. Екатерина прекрасно вышла изъ этого затрудненія: въ 1767 году она издала законъ, запретившій крестьянамъ жаловаться на помѣщиковъ. За подачу крестьянами жалобы въ судъ, или даже государю было повелѣно сѣчь плетью. Такимъ образомъ, помѣщики безнаказанно сохранили свою власть. А крестьяне, когда въ отвѣтъ на ихъ жалобу пріѣзжала полиція и начинала пороть, получали какъ бы доказательство, что, значить, ихъ жалоба не дошла, куда слѣдуетъ, была перехвачена чиновниками. Подъ конецъ своей жизни въ 1792 г. государыня Екатерина II узаконила обычай продавать крестьянъ въ розницу, наравнѣ съ домашнимъ скотомъ. Сынъ ея Павелъ Петровичъ въ 1797, приказавши ввести крѣпостное право во вновь присоединенныхъ новороссійскихъ губерніяхъ (Екатеринославской, Таврической и др.), издалъ знаменитый указъ:

— „Повелѣваемъ—писалось въ этомъ указѣ—всѣмъ и каждому наблюдать, чтобы никто и ни подъ какимъ видомъ не дерзалъ принуждать крестьянъ къ работамъ въ воскресные дни, тѣмъ болѣе, что остающіеся въ недѣлѣ шесть дней, по равному числу оныхъ вообще раздѣляемые,... достаточны... на удовлетвореніе всякой хозяйственной надобности“.

Многіе называли этотъ указъ милостью крестьянамъ. И, дѣйствительно, онъ составленъ въ милостивыхъ для крестьянъ выраженіяхъ. Приказано было освободить народъ отъ работы въ праздничные дни. Затѣмъ употреблены были слова, чтобъ недѣлю „дѣлить поровну“, т. е. чтобъ крестьянинъ три дня работалъ на помѣщика, а 3 дня на себя. Однако, за нарушение этого указа никакого наказанія въ сущности не налагалось. А главное онъ окончательно узаконялъ обязательную работу на помѣщика, т. е. барщину.

На барщину и прежде помѣщикъ ставилъ своихъ крѣпостныхъ, однако, онъ чувствовалъ, что дѣлаетъ нѣчто, не оправдываемое закономъ. Теперь же законъ прямо отдавалъ дворянамъ въ ихъ полное распоряженіе половину всей крестьянской жизни. И на основаніи такого благодѣтельнаго для нихъ закона помѣщики сочли себя въ правѣ уже отдавать крестьянъ въ наймы, на заработки, какъ отдають теперь лошадей извозчикамъ. Эта новая торговля стала давать не малый доходъ. Такъ, напр., въ Витебской и Могилевской губерніяхъ подрядчики по землянымъ работамъ платили дворянамъ 110 рублей въ лѣто за cadaго мужика. Крестьяне, отданные на поддержаніе, поступали въ полное распоряженіе подрядчика, а ихъ

поля и хозяйства оставались конечно заброшенными. Такимъ же порядкомъ крестьяне „продавались на поддержаніе“ фабрикантамъ, заводчикамъ. Причемъ на поддержаніе помѣщики отдавали не только взрослыхъ мужчинъ и женщинъ, но и дѣтей, ибо, вѣдь, и дѣтскіе 3 дня въ недѣлю законъ объявилъ собственностью барина. А другую половину недѣли баринъ также бралъ себѣ, ибо законъ хотя и запрещалъ это на бумагѣ, но не пренятствовалъ этому въ дѣйствительности. Во многихъ мѣстахъ помѣщики стали толковать указъ такъ:

— Недѣлю велѣно дѣлить поровну. Это значить, что крестьянинъ обязанъ работать на насъ днемъ, а на себя ночью.

Такое „дѣленіе поровну“ укоренилось, такъ что крестьянамъ мѣстами приходилось, на основаніи указа 1797 г., днемъ работать на помѣщичьихъ поляхъ или фабрикахъ, а свои поля пахать и убирать ночью. Кое гдѣ помѣщики пошли еще дальше: они сочли, что указъ 1797 г. разрѣшаетъ крестьянамъ работать „полнедѣлю“ лишь на свои семейныя надобности: шить дѣтямъ одежду, починить кафтанъ, сплести лапти и т. д. Весь же урожай они стали считать своею собственностью. Осенью они отбирали весь хлѣбъ, продавали скупщикамъ и крестьянамъ предоставляли кормиться — „какъ угодно“. Вотъ почему были села, гдѣ крестьяне, снявши съ полей богатый урожай, надѣвали сумки и шли по міру.

Наконецъ, нѣкоторые помѣщики придумали еще болѣе удивительное толкованіе указа. Во многихъ мѣстахъ зимою всѣ фабрики замирають. Фабрикъ, заводовъ или иныхъ промысловъ нѣтъ. И населеніе по неволѣ вынуждено „отдыхать“. Между тѣмъ, каждая „полнедѣля“ принадлежала помѣщикамъ. Спрашивается: какъ устроить, чтобы эта барская собственность не пропадала, если у барина фабрики нѣтъ, а подрядчикъ, которому можно бы сдать мужиковъ на фабрики, не является? Способъ удалось найти: съ наступленіемъ зимы крѣпостнымъ давали приказъ:

— Надѣвайте сумки и идите собирать милостыню въ пользу барина.

Были деревни, гдѣ все взрослое населеніе выгонялось такимъ способомъ по милостыню.

Все собранное мужики были обязаны сдать барину.

Таково было значеніе указа 1797 г. Только послѣ него сдача помѣщиками крестьянъ на заработки стала общераспространеннымъ и замѣтнымъ явленіемъ.

Крестьянство продолжало твердо вѣрить правительству и надѣяться на его помощь. Любопытно, что Екатеринѣ II эта вѣра причинила

одно время много хлопотъ и огорченій. Случилось это такъ. Когда супругъ ея Петръ Ѳедоровичъ издалъ указъ „о вольности дворянской“, то дворяне отъ чрезмѣрной радости провозгласили, что государь „даровалъ Россіи вольность“. Они, какъ сказано уже, собирались было поставить Петру III золотой памятникъ. Позже объ этомъ пришлось забыть. Но неумныя и неосторожныя слова были произнесены и проникли въ деревню.

Деревня приняла слухъ „о дарованіи вольности Россіи“ въ серьезъ. Однако, она видѣла, что никакой вольности нѣтъ. А тутъ и государь, даровавшій „вольность“, вдругъ оказался низвергнутымъ. Потомъ, когда онъ былъ задушенъ, въ Высочайшемъ манифестѣ причина смерти объяснилась неясно и туманно: Екатерина объявила народу, что ея супругъ умеръ „отъ геморройнаго припадка и жестокой рѣзи въ кишкахъ“. И вотъ пошли толки, что Петръ Ѳедоровичъ написалъ золотую грамоту о волѣ, да только дворяне грамоту эту скрыли, самого государя отравили, а на царство супругу его посадили. А затѣмъ явились и другіе толки, что государь спасся и гдѣ-то скрывается отъ жены и дворянъ. Этими толками воспользовался донской казакъ Емельянъ Пугачевъ. Онъ объявилъ себя „государемъ Петромъ Ѳедоровичемъ“ и „подтвердилъ свой указъ о землѣ и волѣ“.

— „Жена моя—говорилъ самозванецъ—увлеклась на сторону дворянъ. Они склонили ее, чтобы всѣхъ крестьянъ отдать въ рабство, но я этому воспротивился, и они возненавидѣли меня, подослали убійцъ, но Богъ спасъ меня“...

Почти все поволжское крестьянство стало на сторону мнимаго „Петра Ѳедоровича“. Крестьяне безжалостно истребляли помѣщиковъ. Полководцы Екатерины II Бибииковъ, Панинъ и другіе безпощадно истребляли крестьянъ: приказано было вѣшать „каждаго третьяго“, а всѣхъ остальныхъ пороть плетью. Такъ что, если въ деревнѣ было 30 человекъ, то войска вѣшали 100, а плетью сѣкли 200. Какъ и слѣдовало ожидать, пугачевскій бунтъ, основанный на жалкомъ заблужденіи и не менѣе жалкомъ обманѣ, былъ подавленъ. Но заблужденіе уцѣлѣло. Говорять, долго еще въ деревняхъ сохранялась память о „царѣ Петрѣ Ѳедоровичѣ“, который былъ де „настоящимъ, русскимъ, крестьянскимъ царемъ“, да только его „золотую грамоту“ дворяне утаили. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, эта память о покойномъ Карлъ-Ульрихѣ Голштинскомъ въ глухихъ мѣстахъ жива до сихъ поръ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Павель Петровичъ и его дѣти.

Екатерина II умерла въ 1796 году скоропостижно.

Отъ брака съ Петромъ III у нея былъ сынъ Павель *). Государыня не любила его. Онъ жилъ вдали отъ дворца—въ Гатчинѣ. Есть извѣстія, что государыня желала отстранить Павла Петровича, чтобы престоль былъ переданъ ея старшему внуку Александру Павловичу, но Павель Потровичъ будто бы уничтожилъ это завѣщаніе и объявилъ себя императоромъ.

У Павла Петровича было нѣсколько сыновей (Александръ, Константинъ, Николай, Михаилъ) и дочерей. Имѣя многочисленное семейство, новый государь видѣлъ, что впредь сановники и гвардія не будутъ вынуждены заботиться о выборѣ новаго царя. Необходимо лишь было установить порядокъ перехода престола отъ умершаго государя къ наслѣднику. Поэтому Павель Петровичъ на первыхъ же порахъ выработалъ законъ о престолонаслѣдіи.

Вотъ имена государей, всходившихъ на престоль не по выбору, какъ прежде, а въ порядкѣ законнаго наслѣдованія:

1) Павель Петровичъ; супруга его Софья-Доротея-Августа-Луиза принцесса Виртембергъ-Штутгартская, нареченная въ Россіи Маріей Ѳедоровной.

2) Александръ I, сынъ Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны.

3) Николай I, сынъ Павла Петровича и Маріи Ѳедоровны; супруга его Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина королева Прусская, нареченная въ Россіи Александрой Ѳедоровной.

4) Александръ II, сынъ Николая Павловича и Александры Ѳедоровны; супруга его Максимилиана-Вильгельмина-Августа-Софія-Марія принцесса Гессенская, нареченная въ Россіи Маріей Александровной.

5) Александръ III, сынъ Александра Николаевича и Маріи Александровны; супруга его, нынѣ Вдовствующая Государыня Императрица, Марія-Софія-Фредерика-Дагмара королева Датская, нареченная въ Россіи Маріей Ѳедоровной.

6) Нынѣ царствующій Государь Императоръ Николай II, сынъ Александра Александровича и Маріи Ѳедоровны; Супруга его Але-

*) О немъ, впрочемъ, долго ходили сплетни, что отцомъ его былъ не Петръ, а одинъ изъ любимцевъ Екатерины.

сандрѣ Федоровнѣ, дочкѣ гессенскаго герцога Людвигѣ 4-го, пожившая до перехода въ православіе имя Алисы.

Во времена Павла Петровича память о родителяхъ его была еще слишкомъ жива. Правда, отъ крестьянъ и вообще отъ простаго народа многое было скрыто. Но дворянство, напр., хорошо знало, что отецъ Павла Петровича—нѣмецкій герцогъ Карль-Ульрихъ, а мать—нѣмецкая принцесса. Старымъ людямъ не нравилось, что въ Россіи „цари нѣмецкіе“, изъ Гольштиніи. И глухо поговаривали многіе, что надо бы завести „царя своего“, русскаго. Это недозволенство „голштинцами“ существовало долго. Павелъ Петровичъ зналъ о немъ и постановилъ законъ, чтобы всѣ государи и государыни исповѣдовали православную вѣру, и сверхъ того объявилъ себя главою православной церкви. Этотъ законъ, правда, съ одной стороны, обязывалъ иноземныхъ принцессъ, выходившихъ замужъ за государей, отречься отъ родной вѣры и переходить въ православіе. Зато, благодаря ему, потомки Петра III разъ навсегда стали русскими по вѣрѣ и этимъ избавлялись отъ нареканій, что они не русскіе по крови.

Второю заботою Павла Петровича было—обезпечить свое семейство и потомство. Сами государи уже были обезпечены. Въ ихъ пользу, помимо государственныхъ средствъ, шли доходы съ „царскихъ имуществъ“, которыя при Елизаветѣ Петровнѣ были названы имуществами кабинетскими; сюда вошли, между прочимъ, Алтайскій и Нерчинскій округа въ Сибири, съ ихъ богатыми золотыми россыпями, серебряными рудниками, залежами серебряныхъ рудъ и мѣсторожденіями дорогихъ камней; въ этихъ округахъ около 53 милліоновъ десятинъ. Такъ какъ населеніе здѣсь рѣдкое, то издавна сюда стали ссылатъ на работу уголовныхъ и политическихъ преступниковъ. Здѣсь они размѣщаются въ такъ называемыхъ каторжныхъ *) тюрьмахъ и работаютъ въ пользу Кабинета Его Величества по прика-

*) Собственно каторгами или галерами раньше назывались корабли, по преимуществу военные. На каторгу или галеру сажали преступниковъ, главнымъ образомъ въ качествѣ гребцовъ. Принудительныя работы на каторгахъ получили названіе каторжныхъ работъ. И такъ какъ онѣ были очень тяжелы и опасны, то на каторги ссылались лишь самые законченнѣе преступники. Впослѣдствіи преступниковъ, приговоренныхъ къ каторгѣ, стали посылать не на военные корабли, а между прочимъ для обработки кабинетскихъ земель. И работы на кабинетскихъ земляхъ тоже стали называться каторжными. Сколько даютъ кабинету Его Величества каторжане дохода—неизвѣстно, свѣдѣнія объ этомъ не публикуются. Извѣстно лишь, что, напр., заключенные въ карійскихъ каторжныхъ тюрьмахъ (по рѣкѣ Карѣ, въ Алтайскомъ округѣ) добывали ежегодно не менѣе 100 пудовъ золота, которое шло въ личную собственность Государя Императора. Но всѣ такія свѣдѣнія приблизительны и не точны.

занію тюремнаго начальства. Въ Сибири же въ личную собственность государя собирается особая подать (ясакъ) съ кочевыхъ народовцевъ. Впослѣдствіи въ личный доходъ Государя Императора были отчислены имѣнія въ Крыму и на Кавказѣ. Ростъ кабинетскихъ имуществъ продолжается до сихъ поръ. Такъ на примѣръ Александръ III Высочайшимъ указомъ 6 августа 1887 года повелѣлъ отчислить въ государеву собственность 80 тысячъ десятинъ земли по рѣкѣ Мургабу близъ города Мерва. Словомъ, лично государи были издавна обезпечены. Но надлежало обезпечить все императорское потомство.

Это и сдѣлалъ Павелъ Петровичъ: 5 апрѣля 1797 года онъ особымъ закономъ повелѣлъ отпускать впредь на расходы изъ государственныхъ суммъ: государынѣ императрицѣ 600.000 р. *), на содержаніе дѣтей Государя Императора каждому, кромѣ наслѣдника, до совершеннолѣтія по 100.000 р. въ годъ, наслѣднику же сверхъ расходовъ на содержаніе двора по 300.000 р. въ годъ, супругѣ наслѣдниковой по 150.000 р. въ годъ (а ежели овдовѣетъ, то по 300.000 р.), дѣтямъ наслѣдниковымъ каждому по 50.000 р. въ годъ. Изъ государственныхъ же суммъ было повелѣно „награждать приданнымъ при выходѣ замужъ: дочерей и внучекъ государевыхъ по 1.000.000 руб. на каждую, правнучекъ и праправнучекъ по 300.000 р. на каждую, всѣхъ прочихъ великихъ княженъ—по 100.000 р. на каждую (статья 73 „Учрежденія объ Императорской Фамиліи“ 5 апрѣля 1797 г.). Одновременно, сверхъ государственныхъ суммъ, „для удовольствованія происходящихъ отъ крови Императорской Родовъ всѣмъ нужнымъ къ непостыдному имъ себя содержанію, опредѣлены“ были „немалыя недвижимыя имѣнія и знатныя денежныя суммы“. (Статья 80 „Учрежденія“). Эти отобранныя на содержаніе Императорской Фамиліи земли и получили названіе удѣльныхъ. Изъ доходовъ съ нихъ Павелъ I повелѣлъ отпускать: каждому сыну своему по достиженіи совершеннолѣтія по 500.000 р. въ годъ, женамъ ихъ по 60.000 руб., и каждому ребенку ихъ до совершеннолѣтія по 50.000 р.; дочерямъ своимъ государь повелѣлъ отпускать съ совершеннолѣтія до замужества по 150.000 руб. въ годъ; внучатамъ съ совершеннолѣтія по 50.000 р. въ годъ, а женамъ внуковымъ по 60.000 р. въ годъ; правнукамъ со дня рожденія до совершеннолѣтія по 30.000 р. въ годъ, а по достиженіи совершеннолѣтія „удѣлъ деревнями на 300.000 р. доходу и по 150.000 р. деньгами въ годъ“; женамъ правнуковымъ по 30.000 р.

*) Впрочемъ, для своей супруги Маріи Ѳеодоровны „за помощь утвердить судьбу и состояніе“ Царской Фамиліи Павелъ Петровичъ повелѣлъ отпускать изъ казны по 1.000.000 руб. въ годъ.

въ годъ; праправнукамъ съ совершеннолѣтія по 100.000 руб. въ годъ, женамъ праправнуковымъ по 15.000 р. въ годъ; внукамъ съ совершеннолѣтія до замужества по 150.000 р. въ годъ, правнучкамъ по 50.000 р. въ годъ, праправнучкамъ по 20.000 р. въ годъ и т. д. (Ст. 78 „Учрежденія объ Императорской Фамиліи“). Законъ этотъ существуетъ до сихъ поръ. И расходы, какіе въ немъ назначены, покрываются изъ удѣльныхъ мѣнъ. Когда рождается въ Императорской Фамиліи новый младенецъ, Высочайшимъ указомъ опредѣляется его родство къ Государю (внукъ, правнукъ, сынъ, дочь, внучка и т. д.). На основаніи этого указа младенцу отпускается назначенное въ законѣ жалованье изъ казны и отъ доходовъ съ удѣльныхъ имуществъ.

Въ настоящее время удѣльныхъ имѣній въ одной Европейской Россіи, (не считая Сибири, Кавказа и Закаспійскаго края), около 7¹/₂ милліоновъ десятинъ. Съ ними не надо смѣшивать кабинетскія земли, ибо онѣ—личная собственность Государя, и получаемое съ нихъ составляетъ личный государевъ доходъ. Не надо также смѣшивать удѣловъ съ личною земельною собственностью особъ Императорской Фамиліи, такъ какъ помимо удѣловъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ принадлежитъ много земли въ разныхъ губерніяхъ и областяхъ Россіи.

Павель Петровичъ сильно негодовалъ, что французы свергли своего короля и ввели у себя республику. Въ надеждѣ водворить во Франціи королевскую власть противъ французовъ были посланы русскія войска подъ начальствомъ Суворова. Это и послужило началомъ цѣлаго ряда войнъ съ Франціей, которыя закончились нашествіемъ французовъ въ Россію въ 1812 г. Но до этихъ плодовъ суворовскаго похода Павель I не дожился.

Дѣло въ томъ, что Павель былъ раздраженъ противъ своего старшаго сына Александра. И, говорятъ, хотѣлъ даже лишить его наслѣдства. Это и побудило Александра Павловича сблизиться съ нѣсколькими вельможами. Составился заговоръ. Своего друга Чарторійскаго Александръ увѣрялъ, будто онъ хотѣлъ лишь свергнуть отца съ престола и заключить въ Михайловскомъ дворцѣ подъ почетнымъ карауломъ. На сколько это вѣрно, Богъ вѣсть. Александръ рѣдко былъ прямодушенъ и рѣдко говорилъ правду. Возможно, что и Чарторійскому онъ сказалъ не все.

Во главѣ заговорщиковъ сталъ графъ Паленъ и три брата Зубовы. Опасаясь участи своего отца, государь жилъ въ Михайловскомъ дворцѣ. Это была крѣпость, окруженная рвомъ; попасть въ нее можно было лишь черезъ подъемные мосты. Покои государевы

старательно охранялись гвардейцами, гвардейцы же такъ были осыпаны милостями, что государь разсчитывалъ на ихъ преданность. Передъ кабинетомъ государя денно и ночью стояли часовые. Кромѣ того, постоянно дежурилъ адъютантъ, который былъ обязанъ, въ случаѣ чего-либо подозрительнаго или опаснаго, немедленно во всякое время дня и ночи явиться къ государю и доложить о замѣченномъ. Наконецъ, существовало особое тайное наблюдение за всѣми находящимися въ „крѣпости святаго Михаила“, — такъ назывался Михайловскій дворецъ. Любопытно, что этимъ тайнымъ наблюдениемъ заговоръ былъ обнаруженъ, и о немъ было сообщено государю. Государь призвалъ графа Палена. Паленъ сказалъ ему, что умышленно примкнулъ къ заговорщикамъ, чтобы раскрыть всѣ ихъ замыслы и намѣренія, и когда окончательно соберетъ улики, то немедленно доложить государю. Павелъ повѣрилъ этому и успокоился. Судя по всему, онъ зналъ многое или, по крайней мѣрѣ, о многомъ догадывался. Въ послѣдній день своей жизни за ужиномъ былъ довольно веселъ. Тутъ же за столомъ сидѣлъ молча Александръ, задумчивый и какъ бы не то озабоченный, не то смущенный.

— Что съ вами, Ваше Высочество?—спросилъ его отецъ.

Александръ отвѣтилъ, что у него болитъ голова. Отецъ многозначительно посовѣтовалъ ему лечиться и тотчасъ же удалился въ свою опочивальню. Заговорщики должны были понять, что медлить нельзя. И дѣйствительно не медлили.

Государь заперся въ своей опочивальнѣ. Передъ входомъ въ нее стоялъ часовой. На смѣну преображенцевъ, которые въ ту ночь держали караулъ, пришли семеновцы. Тогда Паленъ, Орловы и другіе заговорщики направились къ опочивальнѣ государя. Впереди шелъ адъютантъ Преображенскаго полка Аргамаковъ. Именно онъ былъ обязанъ донести государю о малѣйшей опасности. Но, какъ говорить, за хорошую сумму примкнулъ къ заговору. Часовой, стоявшій у дверей, былъ захваченъ врасплохъ и убитъ. Аргамаковъ постучалъ въ дверь, давая знать, что явился съ чрезвычайнымъ докладомъ. Государь послѣшилъ открыть дверь. Онъ сразу замѣтилъ, что дѣло не ладно, и спрятался за ширмы. Разсказываютъ, что именно это и погубило его. Дѣло въ томъ, что изъ государевой опочивальни была особая потайная дверь въ опочивальню государыни. И Павелъ Петровичъ имѣлъ возможность скрыться чрезъ эту дверь. Но онъ, видимо, потерялся и стоялъ за ширмами, и здѣсь былъ окруженъ заговорщиками. Павелъ заявилъ заговорщикамъ, что отказывается отъ престола и соглашается, чтобы государемъ былъ Александръ. Но заговорщики хорошо понимали, что царь скажетъ

не то, если на помощь къ нему явится карауль. Николай Зубовъ схватилъ со стола прессъ для бумагъ и ударилъ Павла Петровича по головѣ. Ударъ былъ такъ силенъ, что у государя выскочилъ глазъ. Павелъ рухнулъ на полъ. Заговорщики навалились на него и стали душить шарфомъ. Въ это время какой-то изъ лакеевъ пробѣжалъ къ караулу и поднялъ тревогу. Карауль уже намѣревался подняться наверхъ, въ покои государя, но въ это время появились заговорщики и объявили солдатамъ, что Государь Павелъ Петровичъ скоростижно скончался, и что должно присягнуть новому Государю Александру Павловичу. Вслѣдъ затѣмъ былъ арестованъ преданный Павлу вельможа и любимецъ его графъ Кутайсовъ. Во время ареста въ карманѣ Кутайсова найденъ запечатанный пакетъ; въ этомъ пакетѣ Кутайсову сообщили, что ночью будетъ произведено нападеніе на Павла Петровича. Оказалось, что это доносеніе было получено Кутайсовымъ вечеромъ, за нѣсколько часовъ до убійства. Но Кутайсовъ торопился къ своей любовницѣ, французской актрисѣ Шевалье. Онъ сунулъ нераспечатанный пакетъ въ карманъ, а потомъ любезничая со своею любовницею, совершенно забылъ о немъ.

Разсказываютъ, что Александръ Павловичъ упалъ въ обморокъ, когда ему донесли, что дѣло кончено. Впрочемъ, онъ быстро оправился. На слѣдующій день онъ взшелъ на престолъ. Причемъ въ манифестѣ было объявлено, что государь Павелъ Петровичъ скончался скоростижно отъ удара.

Павелъ I лежалъ въ гробу въ шляпѣ; ее надѣли, чтобы скрыть рану на головѣ, около виска. Кромѣ того, такъ какъ государя душили, то у него высунулся языкъ. Долго думали, какъ это скрыть. Хотѣли вдвинуть языкъ обратно въ ротъ. Но, несмотря на всѣ усилія, этого не удалось сдѣлать. Въ концѣ концовъ языкъ просто вырѣзали. Такъ и похоронили императора—съ вырѣзаннымъ языкомъ.

Любопытна и еще одна подробность. Заговорщики торопились также изъ боязни, что скоро пріѣдетъ въ Петербургъ лучший другъ Павла Петровича Аракчеевъ. Никто не сомнѣвался, что Аракчеевъ раскроетъ заговоръ и погубить Александра. Этотъ лучший другъ государя пріѣхалъ уже послѣ того, какъ Павелъ былъ убитъ. Онъ постарался заслужить милость новаго государя. И впослѣдствіи также вѣрно служилъ Александру Павловичу, какъ и Павлу Петровичу.

Да и вообще утаивать истинныя причины смерти Павла врядъ ли было нужно. Въ Петербургѣ открыто радовались этой смерти. Знакомые даже на улицахъ поздравляли другъ друга со смертью государя и цѣловались по этому поводу, какъ на Пасхѣ. Словомъ,

смерть Павла Петровича люди праздновали, какъ необыкновенно радостное событіе.

Эта радость требуетъ нѣкоторыхъ объясненій. Уже при Екатеринѣ II давалъ себя чувствовать особый разрядъ людей, которые въ слѣдствіи были названы разночинцами. Это были люди въ большинствѣ образованные, но не связанные ни службою государю, ни заботами о выгодахъ дворянскаго сословія. Въ этотъ разрядъ попадали и дворяне и дѣти духовныхъ лицъ, и купеческіе сыновья, и откупившіеся на волю крестьяне, — люди разныхъ чиновъ и знаній. Отсюда и слово: „разночинцы“. Это были люди, оторвавшіеся отъ своей среды и живущіе своимъ умомъ. Объ одномъ изъ лучшихъ русскихъ разночинцевъ, Виссаріонѣ Григорьевичѣ Бѣлинскомъ, писатель Тургеневъ рассказываетъ, между прочимъ, такой случай.

Бѣлинскій и Тургеневъ какъ-то разъ стали спорить о Богѣ. Споръ тянулся долго. Наконецъ, Тургеневу захотѣлось ѣсть. И онъ сказалъ, что нехудо бы пообѣдать.

— Мы еще не кончили разговора о Богѣ, — съ упрекомъ отвѣтилъ на это Виссаріонъ Григорьевичъ, — а вы говорите уже объ обѣдѣ.

Бѣлинскій былъ совершенно исключительный и по истинѣ святой человѣкъ. Такихъ земля рѣдко рождаетъ. И, конечно, не много было такихъ разночинцевъ, которыхъ до того увлекала мысль о Богѣ, что они забывали про ѣду. Но всѣ они жили по преимуществу не заботами о денежныхъ или иныхъ благахъ, а интересами духовными, умственными (интеллектуальными). Отсюда и другое названіе ихъ: „интеллигенція“, т. е. образованные люди, живущіе умственными интересами. Въ отличіе отъ образованныхъ чиновниковъ, дворянъ, духовныхъ лицъ, купцовъ, которые живутъ для себя и для своей личной или сословной выгоды, они стали называться также „разночинною интеллигенціей“.

Откуда взялась въ Россіи разночинная интеллигенція, подробно говорить не буду. Напомню лишь по этому поводу одно мнѣніе, которое сводится къ слѣдующему. Въ Россіи всегда было не мало охотниковъ жить для Бога и для души. Но въ прежніе года всѣ такіе люди уходили въ монастыри и тамъ спасались. Однако, съ теченіемъ времени народъ сталъ убѣждаться, что черная ряса вовсе не спасаетъ, а чаще всего губить, и что церковь служить не Богу и правдѣ, а начальству. Люди, жаждущіе положить душу свою за ближнихъ своихъ, поняли, что въ кельяхъ и церквахъ имъ нечего дѣлать, и что настоящее дѣло не за монастырскими стѣнами, а въ міру.

Одинъ изъ такихъ мірскихъ подвижниковъ, Радищевъ, при Екатеринѣ написалъ книгу, въ которой горячо доказывалъ, что крестьянъ нужно освободить отъ крѣпостной зависимости. За это Радищевъ былъ сосланъ въ Сибирь, а книгу его сожгли. Другой подвижникъ Новиковъ сталъ просвѣщать народъ и для этого издавалъ полезныя книги. Екатерина приказала посадить его въ Петропавловскую крѣпость.

Но не даромъ сказано: „кровью мучениковъ укрѣпляется вѣра“. Разночинная интеллигенція умножилась. А мысль, что народъ надо освободить, крѣпла. На видъ это была та же мысль, которую выражали крестьяне словами: „земля и воля“, когда шли съ Пугачевымъ. Однако, была и разница. У крестьянъ это была не столько мысль, сколько желаніе. Они хотѣли воли, но не знали, какъ ее устроить, и полагали, будто волю можетъ дать Пугачевъ. Разночинная интеллигенція понимала, что воля можетъ быть только тогда, когда законы будутъ издаваться не иначе, какъ съ согласія народныхъ представителей, и когда народные представители будутъ наблюдать за исполненіемъ законовъ. Интеллигенція не только хотѣла воли, но и знала, какъ ее устроить. Однако, въ тѣ поры интеллигенція надѣялась, что государь согласится ввести конституцію т. е. законъ о свободѣ гражданъ и народномъ представительствѣ. Но Павелъ Петровичъ всего меньше былъ склоненъ поддерживать такія надежды. Наоборотъ, малѣйшій намекъ на конституцію онъ считалъ тяжкимъ преступленіемъ, всячески подчеркивалъ свои самодержавныя права и доводилъ это до того, что порою требовалъ себѣ почти божескихъ почестей. Между тѣмъ Александръ Павловичъ считался „другомъ свободы“, сторонникомъ освобожденія крестьянъ и конституціи. Вотъ почему люди радовались смерти Павла I: они надѣялись, что Александръ Павловичъ дастъ свободу.

И, дѣйствительно, слова о конституціи произносились въ первые годы царствованія Александра I. Конституція была даже дана новозавоеванной Финляндіи и новоприсоединенному Царству Польскому (впослѣдствіи, однако, конституція въ Царствѣ Польскомъ была уничтожена). Въ этомъ интеллигенція видѣла, что государь думаетъ о свободѣ и введетъ ее во всей Россіи. Однако, случилось иначе: дальше разговоровъ и обѣщаній дѣло не пошло, а лѣтъ черезъ 15 послѣ воцаренія Александра I даже обѣщанія прекратились, и подъ конецъ своей жизни государь сдѣлался такимъ же сторонникомъ самодержавія и крѣпостного права, какъ и его покойный родитель. Онъ даже заключилъ съ другими государями такъ называемый „Священный Союзъ“, чтобы общими усиліями охранять самодержавіе и

не допускать народнаго представительства. На основаніи этого договора австрійскій императоръ, когда у него не хватило войскъ справиться со своимъ народомъ, требовавшимъ конституціи, обратился за помощію къ русскому государю. Русскій государь (Николай I) послалъ ему свои войска подъ начальствомъ Паскевича, и австрійскій народъ былъ усмиренъ силою нашего оружія.

Въ 1825 году Александръ Павловичъ умеръ въ Таганрогѣ. Обстановка его смерти до сихъ поръ не выяснена. Рассказываютъ, будто государь, подъ вліяніемъ воспоминаній о смерти отца, просто скрылся и долгое время ходилъ по Дону и Волгѣ въ видѣ странника. Въ какомъ-то городкѣ онъ будто бы былъ арестованъ, и такъ какъ не имѣлъ паспорта, то на основаніи закона о бѣглыхъ и бродягахъ, высѣченъ и сосланъ въ Сибирь. Въ Сибири будто бы онъ и жилъ подъ именемъ Ѳедора Кузьмичева и умеръ въ глубокой старости уже послѣ освобожденія крестьянъ. А вмѣсто Александра I былъ будто бы привезенъ въ Петербургъ и похороненъ трупъ какого-то донскаго казака. Объ этомъ даже пѣсня была сложена:

„Въ Таганрогѣ случилася бѣда,—
Тамъ убили молодого казака“...

Это сказаніе тѣмъ болѣе кажется вѣроятнымъ, что въ Сибири дѣйствительно жилъ какой-то старецъ Ѳедоръ. При томъ же судьба потомковъ Петра-Карла-Ульриха Голштинскаго вообще не совсѣмъ обыкновенна: самъ Петръ былъ убитъ, сынъ его Павелъ задушенъ, внукъ Николай I умеръ отъ чрезмѣрнаго употребленія лекарства, правнукъ Александръ II погибъ отъ бомбы 1 марта 1881 г. Однако, никакихъ прямыхъ доказательствъ, что вмѣсто Александра Павловича похоронено другое лицо, пока нѣтъ. А на доказательства косвенныя, которыя нѣсколько лѣтъ назадъ печатались, между прочимъ, „Новымъ Временемъ“ и „Историческимъ Вѣстникомъ“, вполне полагаться нельзя.

Во всякомъ случаѣ въ 1825 году послѣ бездѣтнаго Александра на престолъ долженъ бы взойти его братъ Константинъ Павловичъ. Но такъ какъ Константинъ былъ женатъ, вопреки волѣ государя, на особѣ не царскаго происхожденія, то онъ еще при жизни Александра подписалъ письменное отреченіе отъ престола. Потому воцарился слѣдующій братъ,—Николай Павловичъ.

Подъ конецъ царствованія Александра I интеллигенція, желавшая добиться конституціи, образовала нѣсколько тайныхъ обществъ. Къ этимъ обществамъ принадлежала, между прочимъ, и часть офицеровъ. Члены тайныхъ обществъ, жившіе въ Петербургѣ, рѣшили

воспользоваться замѣшательствомъ по случаю замѣны одного государя другимъ, чтобы добиться, наконецъ, освобожденія крестьянъ и конституціи. Лучшая часть гвардейскихъ офицеровъ вмѣстѣ съ солдатами вышла на сенатскую площадь и потребовала новыхъ законовъ и порядковъ. Это было въ декабрѣ 1825 г., и самый „мятежъ гвардейскихъ полковъ“ до сихъ поръ называется „возстаніемъ декабристовъ“.

Декабристы держались довольно спокойно, въ надеждѣ, что государь согласится. Но Николай Павловичъ приказалъ стрѣлять въ нихъ изъ пушекъ. Гвардейцы были разсѣяны. Государь лично руководилъ слѣдствіемъ по этому дѣлу. Онъ вызывалъ арестованныхъ декабристовъ во дворецъ и здѣсь говорилъ имъ, что онъ самъ желаетъ ввести конституцію, но огорченъ и обиженъ бунтомъ. Арестованные вѣрили этому и въ большинствѣ чистосердечно покаялись и открыли почти всѣхъ своихъ соучастниковъ. Благодаря этому удалось выяснить составъ всѣхъ тайныхъ обществъ. Слѣдствіе было закончено. Наиболѣе вліятельные и опасные для правительства декабристы были преданы особому верховному суду. Изъ нихъ, по повелѣнію Николая Павловича, пятеро казнено, а 16 человекъ сослано на каторгу. Однако, споръ о конституціи и объ освобожденіи крестьянъ этимъ, конечно, не могъ окончиться.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Интеллигенція и народъ.

Въ 1820 году малороссійскій губернаторъ обратилъ вниманіе на то, какъ чувствуютъ себя крестьяне, узнавши законы о нихъ. Случилось это такъ. Одинъ сочинитель написалъ статью, въ которой всячески хвалилъ правительство за его законы о крестьянахъ. Эта во всѣхъ отношеніяхъ пріятная для правительства статья случайно попала въ какую-то деревню и здѣсь была прочитана крестьянамъ. Такимъ образомъ, деревня эта узнала, какіе законы издаетъ правительство о крестьянахъ, и это такъ подѣйствовало на нее, что произошелъ бунтъ.

Военный губернаторъ донесъ объ этомъ въ Петербургъ государю. Но въ Петербургѣ уже знали, какое дѣйствіе оказываетъ на крестьянъ знакомство съ русскими законами. И еще въ 1818 году было запрещено печатать какія-бы то ни было статьи „по крестьянскому воп-

росу“, даже такія, въ которыхъ крѣпостное право защищалось. Въ 1821 году государь повелѣлъ запретить даже „печатаніе отдѣльныхъ помѣщичьихъ уставовъ, непосредственно до управленія крестьянъ относящихся“. Это было при Александрѣ I. Николаю Павловичу пришлось пойти еще дальше: при немъ даже въ университетахъ было запрещено профессорамъ касаться нѣкоторыхъ русскихъ законовъ. Такое отношеніе къ законамъ сохранилось, впрочемъ, и послѣ Николая I. Всего нѣсколько лѣтъ назадъ многимъ газетамъ запрещалось приводить статьи закона. И не далѣе, какъ въ 1902 году екатерининская газета „Приднѣпровскій Край“ подверглась жестокому преслѣдованію за то, что напечатала подлинныя слова Императора Александра II, опубликованныя въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“.

Получается на первый взглядъ совершенная нелѣпость. Правительство требовало, чтобы народъ подчинялся законамъ и соблюдалъ законы, и въ то же время запрещало знакомить народъ съ законами, незнаніемъ которыхъ, однако, никто не можетъ отговариваться. Но это лишь на первый взглядъ кажется нелѣпостью. Въ дѣйствительности же правительство могло поступать только такъ, какъ оно поступало. Для него собственные законы были опасны.

Однажды Николай Павловичъ сказалъ смоленскимъ дворянамъ слѣдующія слова:

— „Я буду говорить съ вами, какъ первый дворянинъ имперіи. Земля принадлежитъ намъ, дворянамъ, по праву, потому что мы приобрѣли ихъ нашею кровью, пролитою за государство. Но я не понимаю, какимъ образомъ человѣкъ (т. е. крестьянинъ) сдѣлался вещью. И не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ съ другой“.

Не надо понимать слова: „хитрость и обманъ“, какъ укоризну. Это былъ просто способъ, благодаря которому удалось ввести въ Россіи крѣпостное право. И при Николаѣ Павловичѣ приходилось прибѣгать къ тому же способу. Помѣщики, напр., южныхъ губерній отбирали ежегодно наиболѣе красивыхъ крестьянскихъ дѣвушекъ, вывозили на ярмарку и продавали пріѣзжавшимъ изъ Турціи скупщикамъ „живого товара“ въ гаремы. Въ сѣверныхъ губерніяхъ продажа на ярмаркахъ не практиковалась. Зато сюда приходили скупщики подъ видомъ торговцевъ шалами, трубками, шелками и другими товарами. И здѣсь происходилъ мѣновой торгъ: помѣщикъ бралъ у скупщика шаль и шелкъ своей женѣ и дочкамъ, а скупщикъ бралъ у помѣщика за это крестьянскихъ дѣвушекъ, которыхъ отправляли цѣлыми партіями въ турецкіе и персидскіе гаремы. Ни

одно правительство, конечно, не осмѣлилось бы издать законъ, разрѣшающій такую гнусную торговлю „женскимъ товаромъ“.

При томъ же Николаѣ Павловичѣ практиковались самыя невѣроятныя звѣрства надъ крестьянами. Въ Саратовской, напр., губерніи помѣщики изобрѣли такія наказанія. Если женщина или дѣвушка не подчинялась барину, то ее нагую распинали на колодѣ и лучинами опаливали волосы между ногами, подъ мышками и на головѣ, такъ же, какъ палать свиней, съ тою лишь разницей, что свиней предварительно убиваютъ, а потомъ палать, а женщинъ сначала палили, а потомъ имъ представлялось или выздоровѣть, или умереть отъ ожоговъ. Наиболѣе строптивыхъ крестьянъ помѣщики приговаривали къ голодной смерти; а дабы приговоренный дѣйствительно умеръ отъ голоду, ему забивали въ ротъ деревянную втулку, привязывали эту втулку веревкой, а концы веревки баринъ припечатывалъ къ голому тѣлу сургучомъ (печать накладывалась именно на голое тѣло изъ боязни, что иначе кто-либо поможетъ наказанному снять, не ломая печати, одежду и вынуть втулку изо рта). Впрочемъ, нѣкоторые помѣщики находили, что забивать клинья въ ротъ ужъ слишкомъ жестоко, и поэтому они на голову приговоренному къ голоду надѣвали сѣтку, которую также припечатывали къ голому тѣлу именными сургучными печатями. Менѣе тяжкихъ преступниковъ помѣщики ставили ногами на горячую сковороду, сѣкли солеными розгами, или колючимъ терновникомъ, а раны натирали солью (конечно, дешевой, крупной—„бузуномъ“). Чаше употреблялось болѣе легкое наказаніе: выщипываніе бороды по волоску, битье подъ зубы каблуками, подвѣшиванье за руки или за ноги на шесть, „уточка“ *). Всего, впрочемъ, не перечислишь.

И опять приходится сказать, что ни одно правительство не осмѣлится издать законъ, который разрѣшилъ бы такія звѣрства. И подобныхъ законовъ въ Россіи не было. Мало того: русскими законами прямо запрещалось убивать и мучить людей. И выходило такъ, что изъ законовъ крестьяне могутъ узнать, что ихъ помѣщикъ не имѣетъ права поступать такъ, какъ онъ поступаетъ. Законъ, стало быть, возбуждалъ крестьянъ къ неповиновенію помѣщикамъ. Значитъ, нельзя было допускать, чтобы деревня его узнала.

Пожалуй, скажутъ.

— Но, вѣдь, правительство знало объ этихъ звѣрствахъ. Почему же оно не преслѣдовало ихъ?

*) У приговореннаго связывали веревкой ноги и руки сзади, на спинѣ: затѣмъ между рукъ и ногъ продевали колъ, и на колу „преступникъ“ висѣлъ нѣсколько часовъ, животомъ книзу. Это наказаніе и называлось „уточкой“.

Не преслѣдовало потому, что они были нужны и безъ нихъ нельзя было обойтись. Существуетъ мнѣніе, что послѣ указа Петра III „о вольности дворянской“, помѣщики совершенно даромъ стали пользоваться землею и трудомъ крѣпостныхъ, такъ какъ ихъ обязательная служба государству прекратилась. Но это не совсѣмъ правильно. Въ дѣйствительности для дворянъ и послѣ указа Петра III нашлась служба, и притомъ чрезвычайно важная и необходимая для правительства. При Николаѣ Павловичѣ эту службу хорошо понималъ и цѣнилъ князь Васильчиковъ, который сказалъ:

— „Власть помѣщичья необходима для поддержанія власти самодержавной“.

Такого же мнѣнія былъ братъ государя, Константинъ Павловичъ, который находилъ, что нельзя уничтожать помѣщичью власть, ибо это поколеблетъ самодержавную власть. Старшій сынъ государя, Александръ Николаевичъ (впослѣдствіи ставшій императоромъ), находилъ, что крестьянамъ надо запретить откупаться на волю даже тогда, когда имѣніе помѣщика продается за долги, съ публичнаго торга. Самъ государь Николай Павловичъ сказалъ въ 1842 году государственному совѣту:

„Всякій помыслъ о семъ (т. е. объ уничтоженіи помѣщичьей власти) былъ бы лишь преступнымъ посягательствомъ на общественное спокойствіе и благо государства“.

По мѣткому выраженію Николая I, помѣщики были необходимы, какъ „полиціймейстеры“, которые помогаютъ держать народъ въ повиновеніи, т. е. собирать съ него деньги въ казну и рекрутовъ для войска. А князя и войска и есть то самое важное, что нужно для правительства и безъ чего оно жить не можетъ. Кромѣ того, помѣщики имѣли постоянное наблюденіе за крестьянами, не допускали, чтобы крестьянство объединилось и стало дѣйствовать сообща, помогали правительству предупреждать такія потрясенія, какія были при Пугачевѣ. То-есть каждый помѣщикъ дѣйствительно исполнялъ обязанности полиціймейстера, — какъ основныя (сборъ налоговъ и войска), такъ и второстепенныя (предупрежденіе и пресѣченіе возстаній и бунтовъ).

А легко-ли выполнять эти обязанности, мы видимъ еще до сихъ поръ на примѣрѣ полиційскихъ чиновниковъ. Въ однихъ мѣстахъ полиція обходится сравнительно мягкими мѣрами, и если бьетъ народъ въ участкахъ, то не дубовыми колами, а резиновыми палками. Въ другихъ, какъ, напр., въ Тамбовской губерніи, ей въ 1906 году приходилось сѣчь крестьянъ нагайками по лицу и припекать папиросами груди обнаженныхъ женщинъ. А въ третьихъ, какъ, напр., въ Вар-

шавъ на постъ начальника сыскной полиціи пришлось назначить преступника изъ арестантскихъ ротъ, ибо обыкновенный человѣкъ неспособенъ на тѣ неслыханныя звѣрства, какія понадобились, чтобы держать варшавскихъ жителей въ покорности.

Конечно, законъ безусловно запрещаетъ, напримѣръ, такое наказаніе, какое придумали въ Варшавѣ: человѣка, который недостаточно покоренъ полиціи, кладутъ связаннымъ на полъ грудью вверхъ, а городовые прыгаютъ на него со скамейки, стараясь, чтобы каблуки ударили связаннаго либо по груди, либо по ребрамъ. Но какъ запретить это наказаніе, если полиція находитъ, что безъ него жители не будутъ чувствовать надлежащаго страха и не покорятся? Поневолѣ приходится сказать:

— Дѣлай, что хочешь, лишь бы не остаться безъ податей и рекруты поступали своевременно.

Такъ же приходилось правительству относиться и къ помѣщикамъ:

— Дѣлайте, что хотите, лишь бы не остаться безъ податей и солдатъ.

И помѣщики дѣлали, что хотѣли. Благо само правительство подавало имъ примѣръ. Такъ, напримѣръ, вельможа Аракчеевъ, который при Александрѣ I безгранично вершилъ всѣми дѣлами, приказывалъ своихъ крестьянъ бить палками по животу, пока сквозь раны не выпадутъ кишки. Тотъ же Аракчеевъ, желая назначить смертную казнь и зная, что это закономъ воспрещено, приказывалъ „дать 12,000 палокъ безъ медика“. Съ самимъ государемъ былъ такой случай. Два человѣка нарушили законъ о карантинахъ. Дѣло это представлено было государю. И Николай Павловичъ написалъ на немъ:

— „Слава Богу, смертной казни у насъ не бывало, и не мнѣ ее вводить. Прогнать сквозь 1000 человѣкъ 12 разъ“.

То-есть дать двѣнадцать тысячъ палочныхъ ударовъ. А можетъ-ли человѣкъ остаться въ живыхъ если его 12 тысячъ разъ подрядъ ударили со всего розмаха палкой,—объ этомъ умалчивалось.

Скажутъ, пожалуй, еще такъ:

— Неужели крестьянъ ничѣмъ, кромѣ угрозы безчеловѣчными наказаніями, нельзя было удержать въ покорности?

Конечно, способъ былъ и притомъ довольно простой: установить такіе законы и порядки, чтобы народу они нравились, и чтобы народъ самъ дорожилъ ими и считалъ справедливыми. Но народъ считалъ, что вся земля, а въ томъ числѣ кабинетская и удѣльная, принадлежитъ ему, и что помѣщики владѣютъ ею несправедливо. Государь же, какъ мы видимъ изъ его рѣчи, считалъ, что земля должна

быть дворянскою. Народъ ждалъ воли. Но даже не только воля, но и простое освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости значило, что помѣщики должны лишиться дарового мужицкаго труда. А разъ помѣщики этого лишатся, кто же будетъ охранять самодержавіе? Положеніе осложнялось тѣмъ, что крестьянство терпѣло всѣ бѣдствія лишь въ надеждѣ на правительство. „Вотъ правительство дасть землю, вотъ правительство освободить“.

Между тѣмъ правительству надо было думать о другомъ. Былъ напримѣръ, такой случай. Помѣщикъ Подольской губерніи графъ Мечиславъ Потоцкій хотѣлъ отдать крестьянамъ $\frac{2}{3}$ своей земли. Правительство запретило это, такъ какъ считило, что примѣръ Потоцкаго взволнуетъ крестьянъ въ другихъ мѣстностяхъ. И это опасеніе было основательнымъ, ибо крестьяне другихъ мѣстностей дѣйствительно заволновались бы. Но столь же основательныя опасенія заставляли скрывать, что Потоцкому запрещено подарить свою землю. Ибо если крестьяне узнаютъ объ этомъ запретѣ, то скажутъ: „Вотъ какъ о насъ правительство заботится! Значить, нечего на него надѣяться“...

Законы, указы и распоряженія, сколько-нибудь ограничивающіе крѣпостное право, правительству приходилось скрывать, ибо они „бунтовали“ народъ противъ помѣщиковъ. Законы, указы и распоряженія, ограждающіе крѣпостное право, тоже приходилось скрывать, ибо они подрывали вѣру крестьянъ въ правительство и тѣмъ бунтовали народъ и противъ самодержавной власти, и противъ охранителей ея—помѣщиковъ.

Вотъ причина той „слѣпоты“, на которую уже давно жалуется нашъ деревенскій людъ. Жалоба эта особенно выразительно вылилась у депутата Тамбовской губерніи Лосева въ государственной думѣ 1906 года.

— Сила у насъ, крестьянъ, несмѣтная, какъ у Самсона богатыря — говорилъ Лосевъ. — Но, подобно Самсону, слѣпы мы и не видимъ, куда идти, чтобъ намъ стало лучше. Мечемся мы. И въ концѣ концовъ съ горя можемъ сдѣлать такъ же, какъ Самсонъ. Скажемъ: „умри, душа моя, вмѣстѣ съ филистимлянами“. Мы можемъ поколебать все зданіе государства русскаго, и оно рухнетъ. Пусть при этомъ мы сами погибнемъ. Но пусть также погибнуть и ослѣпившіе насъ.

Эта жалоба вполне основательна. Но мы видѣли, что правительству нельзя было заботиться о просвѣщеніи, при которомъ невозможно сохранить ни крѣпостное право, ни вѣру въ то, что начальство заботится о народѣ. А затѣмъ начальству пришлось не только не за-

заботиться о просвѣщеніи, но и принять противъ него особыя мѣры.

При Александрѣ Павловичѣ и Николаѣ Павловичѣ крестьянство было по прежнему, какъ и въ смутное время, невѣжественно. Какъ и прежде, оно не знало, какъ устроить „землю и волю“. И какъ прежде было вынуждено, по слѣпотѣ своей, возлагать надежды на другихъ. Однако, появилась уже различинная интеллигенція, которая готова была голову положить за крестьянъ. А главное, она знала, какъ надо устроить, чтобы была и земля и воля. Пусть крестьянство по прежнему было ослѣпленнымъ Самсономъ, который хоть чувствуетъ, что можетъ потрясти столбы зданія, но понимаетъ также, что онъ при этомъ, по причинѣ слѣпоты своей, и самъ не спасется, и можетъ лишь сказать:

— Умри, душа моя, вмѣстѣ съ филистимлянами.

Но надъ головою этого Самсона уже появился зоркій орленокъ. Самъ по себѣ онъ никакого вреда зданію причинить не могъ. Но научить Самсона, какъ надо потрясти столбы, чтобы обломки упали на головы только „филистимлянъ“, онъ очень могъ. Для правительства возникла страшная опасность, что безсильная по своей малочисленности интеллигенція соединится съ могучимъ, какъ Самсонъ-богатырь, но беспомощнымъ по своей слѣпотѣ и своему невѣжеству, крестьянствомъ. Интеллигенція обладала достаточнымъ знаніемъ, какъ устроить новые порядки, а народъ достаточной силой, чтобы претворять это знаніе въ дѣло жизни. И такое соединеніе было тѣмъ болѣе вѣроятно, что интеллигенція стремилась къ тому же, къ чему и престонародѣе.

До какой степени государь Николай Павловичъ понималъ эту опасность, можно судить по слѣдующему. Между прочимъ, декабристы, еще до бунта въ 1825 г., много думали, какъ устроить новые порядки. Планъ новаго государственнаго устройства былъ написанъ въ видѣ законовъ, которые были названы „Русской Правдой“. Ничего страшнаго въ этой книгѣ не заключалось. Это былъ именно планъ государственнаго устройства, въ общихъ чертахъ такой же, какой принятъ нынѣ въ Германіи, въ Швеціи, въ Даніи, въ Италіи и въ другихъ странахъ. Но государь Николай Павловичъ ясно видѣлъ, что получится, если такая книга проникнетъ къ крестьянамъ. И наложилъ на „Русскую Правду“ строжайшій запретъ. Книга эта находилась подъ запретомъ 80 лѣтъ. И напечатана въ Россіи лишь послѣ манифеста 17 октября 1905 года. То же пониманіе опасности подсказывало рядъ другихъ мѣръ: преслѣдованіе школъ, затрудненіе доступа къ образованію, запрещеніе газетъ и книгъ, особенно

дешевыхъ и доступныхъ народу по языку, и многое другое, о чемъ мною подробнѣе рассказано въ книжкѣ: „Изъ исторіи русской школы“. За каждымъ интеллигентнымъ человѣкомъ, который попадалъ въ деревню, приказано было устанавливать особый полицейскій надзоръ. Если интеллигентный человѣкъ сближался съ просто-народьемъ, полиція отмѣчала его какъ „политически неблагонадежнаго“ и поручала шпионамъ тщательно слѣдить за нимъ. Бывали такіе случаи: образованные люди, желая послужить народу, поступали въ волостные писаря; это было замѣчено начальствомъ, и за волостными писарями стали наблюдать. И вотъ, если исправникъ или становой приставъ замѣчали, что писарь пьянствуетъ и беретъ взятки, то онъ считался человѣкомъ благонадежнымъ, а писаря, который не пьянствовалъ и не бралъ взятокъ, считали неблагонадежнымъ и его прогоняли со службы. Потомъ пришлось распространять объ интеллигенціи завѣдомо ложные слухи,—что интеллигенты безбожники, что ихъ подкупили иностранцы „взбунтовать Россію“ (иностранцы, дескать, завидуютъ тому, что Россія сильна, и подкупаютъ русскихъ измѣнниковъ, въ надеждѣ при ихъ помощи обезсилить нашу державу). Чтобы вооружить народъ противъ интеллигенціи, пользовались всякимъ предлогомъ. Напр., однажды въ Петербургѣ происходили частые пожары. Немедленно появились какіе-то темные люди, которые стали распространять слухъ, что поджоги устраиваетъ интеллигенція. Этотъ способъ, впрочемъ, практикуется до сихъ поръ. Такъ, лѣтомъ 1906 года выгорѣлъ городъ Сызрань. И какъ разъ во время пожара лущень былъ слухъ, что жгутъ „студенты“, оказавшіяся, конечно, гнусною сплетней.

Отсюда и получилаась такъ называемая „рознь между народомъ и интеллигенціей“. Интеллигенція всѣ силы употребляла на то, чтобы народу добыть волю. Народъ тоже хотѣлъ воли, но не сочувствовалъ интеллигенціи и враждебно относился къ ней. Правда, народъ не всегда и не вездѣ избивалъ интеллигенцію, хотя порою темные люди выходили противъ нея съ кольями и ножами. Но почти всегда и почти вездѣ онъ не понималъ ея. Между прочимъ, рассказываютъ такой анекдотъ. Когда декабристы на сенатской площади говорили о конституціи, то неграмотные люди удивлялись и спрашивали будто бы другъ у друга:

— Что это такое—конституція? Должно быть, это жена Константина.

Было ли такъ въ дѣйствительности на сенатской площади, — Богъ вѣсть. Но позже много разъ слово „конституція“ вызывало недоумѣніе, какъ непонятное, „врядъ ли не басурманское“, и, по

всей вѣроятности, для мужика очень вредное (иначе бы зачѣмъ начальство сажало въ тюрьму людей, говорящихъ объ этой самой конституціи?). И много лѣтъ понадобилось прежде, чѣмъ простой народъ началъ понимать, что это—иностранный слово, а означаетъ оно государственнѣйшій порядокъ, который необходимъ для того, чтобы народъ получилъ и землю и волю.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Борьба изъ-за конституціи.

Говорять, Николай Павловичъ, умирая, сказалъ сыну:

— Сдаю тебѣ команду не въ такомъ порядкѣ, въ какомъ я желалъ.

И дѣйствительно, „команда“ была далеко не въ порядкѣ. При Николаѣ Павловичѣ засѣдало множество разныхъ комиссій „по крестьянскому вопросу“. Чиновники много думали, какъ рѣшить этотъ „вопросъ“. Но ничего не придумали. Всѣ соглашались, что надо, наконецъ, установить точный законъ о правахъ помѣщиковъ и крестьянъ, и что оставить дѣла въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи нельзя. Но выходило такъ: если издать законъ, какого желаютъ помѣщики, то крестьяне потеряютъ послѣднюю надежду на правительство и станутъ „бунтоваться“ противъ него. А если ограничить власть помѣщиковъ, то закона объ этомъ нельзя опубликовать, ибо помѣщики будутъ дѣйствовать по прежнему, и, значить, крестьяне, узнавши о такомъ законѣ, опять таки „станутъ бунтовать“ противъ помѣщиковъ. Словомъ, какой законъ о крѣпостномъ правѣ ни напиши,—выйдетъ бунтъ. А между тѣмъ, бунтовъ и безъ того было слишкомъ достаточно. Министерство внутреннихъ дѣлъ увѣряетъ, что за царствованіе Николая I въ Россіи было 556 крестьянскихъ бунтовъ,—среднимъ числомъ около 20 въ годъ. Эта цифра сама по себѣ очень внушительна. Но она слишкомъ далека отъ дѣйствительности. Такъ, напр., министръ пишетъ, будто въ 1872 г. въ Саратовской губерніи былъ бунтъ лишь въ одномъ имѣніи. А на самомъ дѣлѣ въ 1842 г. въ Саратовской губерніи происходили бунты въ 37 имѣніяхъ. Въ 1847 году сильныя крестьянскія волненія происходили въ Витебской губерніи. Въ 1848 году волненіями было захвачено 27 губерній. Правда, крестьяне были усмирены солдатами. Но че-

резь 6 лѣтъ, какъ разъ во время несчастной для Николая I крымской войны съ турками, французами и англичанами, начался волненія въ 10 губерніяхъ. Интеллигенція также была неспокойна, и ее приходилось сажать въ тюрьмы и ссылатъ (въ числѣ другихъ былъ сосланъ на каторгу, между прочимъ, и знаменитый писатель Ф. М. Достоевскій).

При такомъ смутномъ состояніи государства вступилъ на престолъ Александръ II. Раньше онъ былъ сторонникомъ крѣпостного права. Но смута поколебала его. Онъ рѣшилъ, что „лучше дать *это* сверху прежде, чѣмъ народъ самъ возьметъ снизу“. Что разумѣлось подъ словомъ „это“—неясно. Но крестьяне надѣялись, что „это“—земля и воля, а интеллигенція добавляла: „и конституція“. 19 февраля 1861 года былъ подписанъ манифестъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. При этомъ земля еще разъ была объявлена дворянской собственностью; часть ея поступала къ крестьянамъ, но за особую плату, узаконенную подъ названіемъ „выкупныхъ платежей“. Впрочемъ, законы о надѣленіи землею и о временныхъ обязанностяхъ крестьянъ къ помѣщикамъ были написаны такъ туманно, что народъ не скоро понялъ ихъ. Въ первое же время крестьянство радостно объявило:

— Пришла воля.

И лишь потомъ оказалось, что до воли еще далеко. Это крестьяне почувствовали уже при надѣленіи ихъ землею. Газетамъ долгое время запрещалось говорить, какъ происходило „надѣленіе землею“ помѣщичьихъ и въ особенности удѣльныхъ крестьянъ. И лишь въ 1906 году эта старая исторія начинаетъ выплывать на свѣтъ Божій во всѣхъ подробностяхъ. Вотъ что рассказываетъ, напр., одинъ статистикъ въ „Нашей Жизни“.

Въ деревнѣ Заозерѣ, Вельскаго уѣзда, онъ былъ пораженъ, когда сталъ мѣрять поле. Оказывается, всю лучшую часть поля удѣльное вѣдомство взяло себѣ, а крестьянамъ были отданы лишь мало пригодные клочки того же поля; клочки—песчаные, урожай даютъ самъ-другъ. Въ другихъ деревняхъ того же Вельскаго уѣзда статистикъ открылъ то же самое. Повсемѣстно всѣ лучшія части нахатной земли „принадлежать“ удѣламъ. А крестьянамъ были нарѣзаны негодные клочки. Мѣстами получилось слѣдующее: деревни окружены удѣльною землею, какъ кольцомъ: это отъ того, что лучшіе участки возлѣ жилья. А негодные крестьянскіе клочки далеко отъ деревни, и притомъ разбросаны, который гдѣ. Каждый клочекъ тоже окруженъ землями удѣльнаго вѣдомства. И безъ особаго разрѣшенія крестьянинъ не можетъ къ своей землѣ ни проѣхать,

ни пройти. Но этого мало. Такимъ же точно порядкомъ крестьяне отрѣзаны отъ воды. И поэтому нѣкоторыя крестьянскія общества вынуждены платить особый налогъ въ пользу удѣльнаго вѣдомства за разрѣшеніе гонять скоть на водопой. Не лучше были надѣлены крестьяне и покосами. Всѣ настоящіе луга удѣльное вѣдомство сохранило у себя; крестьяне же были надѣлены пескомъ; лѣса крестьяне также не получили. И поэтому они до сихъ поръ арендуютъ выгоны и покосы у Высочайшей Фамилии, а за право набрать дровишекъ въ лѣсу платять фамилии особо. Такимъ же способомъ происходило и надѣленіе землею помѣщичьихъ крестьянъ. Дворяне остались при лучшихъ земляхъ. Крестьянамъ мѣстами, напр., въ нѣкоторыхъ селахъ Переяславльскаго уѣзда Полтавской губерніи, были нарѣзаны сыпучіе пески. Между тѣмъ, выкупъ за эту землю былъ назначенъ не малый. До 1906 года крестьяне успѣли уплатить помѣщикамъ и удѣламъ на кругъ почти по 42¹/₂ рубля за десятину, и лишь въ 1905 г. послѣ всеобщей октябрьской забастовки выкупные платежи были отмѣнены. Цѣны же при отмѣнѣ крѣпостного права были такія: въ 1861 г. въ Орловской губерніи хорошая, необработанная (изъ подъ вырубленнаго лѣса) земля стоила меньше 1 рубля за десятину, а въ Смоленской губерніи, хорошая обработанная земля стоила по 5 рублей за десятину.

Затѣмъ, въ руки дворянъ и предводителей дворянства было передано все земское дѣло и обложеніе земскими налогами. Крестьянъ же хоть и допустили къ участию въ земскихъ дѣлахъ, но въ такомъ ничтожномъ количествѣ, что они никакого вліянія на эти дѣла имѣть не могли. „Поэтому неудивительно,—говорить, напр., г. И. Сиговъ въ журналѣ „Общество“,—что крестьянскія земли въ общемъ облагаются почти вдвое дороже всѣхъ остальныхъ: такъ, въ 1890 году въ 34 земскихъ губерніяхъ въ среднемъ на 1 десятину крестьянской земли приходилось земскаго сбора 18¹/₄ коп., а на 1 десятину остальныхъ земель только 9³/₄ коп. Несправедливость обложенія въ нѣкоторыхъ земствахъ прямо невѣроятна. Напримѣръ, въ Верхотурскомъ уѣздѣ, Пермской губерніи, гдѣ распоряжаются въ земствѣ заводовладѣльцы и чиновники, изъ 3 милліоновъ десятинъ казенныхъ лѣсовъ совсѣмъ не облагаются земскимъ сборомъ болѣе 1³/₄ милл., а цѣнность остальныхъ принята для обложенія въ 2 р 15 коп. за десятину. Крестьяне же въ этомъ уѣздѣ платять не только за землю гораздо больше другихъ владѣльцевъ съ десятины, но кромѣ того даже избы, въ которыхъ они живутъ, облагаются земскимъ сборомъ, при чемъ съ этихъ крестьянскихъ избъ взыскивается 35¹/₂ тысячъ рублей въ годъ. Между тѣмъ за всѣ фабри-

чныя зданія и сооружеія въ этомъ же уѣздѣ (гдѣ существуетъ много горныхъ заводовъ съ общимъ числомъ рабочихъ болѣе 18¹/₂ тыс. челов.) взимается земскаго сбора только 58¹/₂ тыс. руб. то есть немногимъ болѣе, чѣмъ съ крестьянскихъ избъ. Во всей Пермской губерніи на 1 десятину крестьянской земли приходится 21³/₄ коп., а съ 1 десятины остальныхъ земель—только 6¹/₂ коп. "Сверхъ того на крестьянъ же возложено исправленіе дорогъ, содержаніе волостей, сельской полиціи и т. д.

Конечно, манифестомъ 19 февраля 1861 года права помѣщиковъ надъ крестьянами были значительно урѣзаны, однако, кое-что осталось изъ этихъ правъ. Каково нынѣ живется удѣльнымъ крестьянамъ, рассказывала недавно газета „Наша Жизнь“. Крестьяне Симбирской губерніи, напр., жалуются, что „ни одинъ помѣщикъ, ни одинъ кулакъ не обижаютъ ихъ, какъ удѣль. Помѣщикъ хоть боится возмездія, а удѣль взыскиваетъ свои штрафы черезъ полицію, и въ случаѣ чего, можетъ нагнать и казаковъ“. Управляющіе и довѣренныя лица въ удѣльныхъ имѣніяхъ ведутъ себя какъ царьки. Суда на нихъ нигдѣ не найдешь. И они дѣлаютъ, что хотятъ. Распоряжаются крестьянами также, какъ и до 19 февраля 1861 г.“ Относительно же бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ сентябрѣ прошлаго года газета „Сынъ Отечества“ рассказывала такой, напр., случай. Одинъ помѣщикъ Полтавской губерніи хотѣлъ сдѣлать крестьянскую дѣвушку своей наложницей. Она не согласилась. Въ наказаніе за такую вину помѣщикъ приказалъ запрячь ее въ плугъ и гонять кнутомъ по полю. Три дня продолжалось это истязаніе. Наконецъ, дѣвушка вырвалась и убѣжала. Тогда баринъ подалъ на нее жалобу земскому начальнику. И земскій приговорилъ ее за самовольный уходъ съ работы къ мѣсячному аресту.

Такова оказалась „воля“. Но ея истинный смыслъ крестьяне постигли лишь впоследствии. На первое же время для нихъ дѣло представлялось вполне яснымъ:

— Надѣялись, молъ, что правительство дастъ намъ землю и волю. И вотъ надежда наша, слава Богу, отчасти оправдалась: воля дана. Теперь надо ждать земли.

И долго съ тѣхъ поръ крестьянство ждало, что будетъ „прирѣзка земли“, т. е. выйдетъ такой законъ, что къ нарѣзанному послѣ 19 февраля 1861 года будетъ присоединена и вся остальная земля. Любопытно, что эта надежда не поколебалась даже тогда, когда новый государь Александръ III въ 1883 году рѣшительно объявилъ, что никакой прирѣзки не будетъ. Нынѣ царствующій

Государь Императоръ Николай Александровичъ еще разъ подтвердилъ во время курскихъ маневровъ 1902 г., что прирѣзка не будетъ допущена. Въ деревняхъ по словамъ газетъ, распространились по этому поводу сказки, будто Государь такъ говорилъ лишь ради помѣщиковъ, а на самомъ дѣлѣ думаетъ другое. Сказки эти явно нелѣпы. И тѣмъ не менѣе имъ вѣрили, а на прирѣзку продолжали надѣяться.

Какъ бы то ни было, но крестьянъ удалось манифестомъ 19 февраля 1861 г. успокоить. Оставалось заняться интеллигенціей. Интеллигенція прекрасно понимала, къ чему сводится „воля“, пока нѣтъ народнаго представительства. И требовала конституціи. Особенно горячо настаивала на этомъ молодежь, желавшая добиться демократическихъ порядковъ. (Демократія—значить народное правленіе, народовластіе; сторонники народнаго правленія стали называться демократами, а также народниками). Александръ II зналъ, что конституція хорошая вещь. И постарался ввести народное представительство въ Болгаріи, когда она была освобождена русскими войсками отъ турецкаго ига. Но въ Россіи онъ не желалъ допускать народнаго представительства. Поэтому демократы рѣшили обратиться къ народу. Сначала хотѣли дѣйствовать только мирными средствами. Они хотѣли лишь разъяснить народу, отчего ему плохо живется, и какъ устроить, чтобы жилось хорошо, и почему необходимо народное представительство. Для этого многіе изъ нихъ отказывались отъ богатства, отъ роскошной жизни и уходили на фабрики и по деревнямъ, чтобы просвѣтить народъ, какъ они выражались. Въ деревняхъ имъ приходилось голодать, нести тяжелую, особенно съ непривычки, работу. Но это демократовъ не смущало. Они заранѣе готовились на всякія лишенія и твердо выносили ихъ. Тѣмъ не менѣе изъ попытки просвѣтить народъ ничего не вышло. Полиція стала выслѣживать демократовъ и ловить ихъ, сажать по тюрьмамъ, ссылатъ въ Сибирь. Полицейскіе быстро наловчились въ этомъ дѣлѣ. И для каждаго демократа пойти въ деревню и тамъ просвѣщать народъ значило неминуемо попасть въ тюрьму.

Естественно, что у демократовъ явилось желаніе уже не просвѣщать, а взбунтовать народъ и съ помощью бунта добиться земли и воли. Среди народниковъ начались разногласія. Одни изъ нихъ, какъ, напр., Николай Чайковскій, основывали тайныя общества съ цѣлью просвѣщать народъ. Другіе, какъ, напр., Долгушинъ, находили, что одного просвѣщенія мало, и что нужно призывать также къ бунту. Такъ какъ послѣдователи Чайковскаго („чайковцы“) для правительства были не менѣе опасны, чѣмъ „долгушинцы“, то и тѣ и другіе подверглись одинаково жестокии преслѣдованіямъ (или, какъ

тогда выражались, „репрессалиямъ“). Въ одномъ только 1874 году было арестовано до 770 народниковъ. Такимъ образомъ, отъ мирныхъ средствъ приходилось отказаться. Призывы къ бунту тоже пришлось оставить, да они и не могли имѣть успѣха. Тогда среди народниковъ стало преобладать третье мнѣніе, которое отдѣльные лица давно считали правильнымъ. Сторонники этого мнѣнія считали, что можно добиться земли и воли своими силами, безъ помощи народа, если запугать правительство „актами террора“, т. е. путемъ убійства тѣхъ, кто противится введенію конституціи. Путь казался возможнымъ. И большинство демократовъ послѣ нѣкоторыхъ колебаній и споровъ рѣшило силою принудить правительство къ тому, чтобы оно ввело въ Россіи конституцію.

Еще въ 1866 г. Каракозовымъ было совершено первое покушеніе на жизнь Александра II. А затѣмъ въ продолженіе 15 лѣтъ одно покушеніе слѣдовало за другимъ. Правительство беспощадно преслѣдовало демократовъ. Выдающіеся народники, напр., Ковальскій, Дубровинъ, Осинскій, Лизогубъ и многіе другіе, погибали одинъ за другимъ. Но уцѣлѣвшихъ это не останавливало. Демократы, въ концѣ концовъ составившіе партію „Народной Воли“ или „народовольцевъ“, твердо надѣялись навести на правительство такой страхъ, что оно пойдетъ на уступки. И отчасти они этого достигли. Подъ конецъ своей жизни Александръ II назначилъ главнымъ министромъ Лорисъ-Меликова. Была выработана такъ-называемая лорисъ-меликовская „конституція“. По этой „конституціи“ въ Россіи учреждалось нѣчто вродѣ государственной думы. Въ эту думу должны были войти представители главнымъ образомъ дворянъ и капиталистовъ. Представители имѣли право лишь подавать совѣты при выработкѣ новыхъ законовъ, но государь могъ и отвергнуть эти совѣты. Въ концѣ февраля 1881 г., Александръ II подписалъ лорисъ-меликовскую конституцію. Партіи „Народная Воля“ это было извѣстно.

Но народовольцы хотѣли не такой конституціи. Они хотѣли, чтобы, во-первыхъ, ни одинъ законъ не могъ появиться безъ согласія народныхъ представителей; во-вторыхъ, чтобы всѣ министры и всѣ чиновники были отвѣтственны передъ народными представителями; въ третьихъ, чтобы налоги вводились и деньги казенныя расходовались только съ согласія народныхъ представителей; и въ четвертыхъ, чтобы представителей выбиралъ весь народъ, а не одни дворяне и капиталисты. Такой конституціи хотѣли народовольцы. Конституцію же Лорисъ-Меликова они считали обманной. Примиреніе, такимъ образомъ, не состоялось. 1 марта 1881 года государь былъ смертельно раненъ въ Петербургѣ на Екатерининскомъ каналѣ одною изъ двухъ бомбъ, брошенныхъ по порученію исполнительнаго комитета партіи „Народная Воля“.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Временное торжество самодержавія.

2 марта 1881 года на престолъ взошелъ Александръ III.

Черезъ восемь дней исполнительный комитетъ партіи Народная Воля обратился къ новому Государю съ письмомъ. Прежде, чѣмъ отправить это письмо, комитетъ спросилъ совѣта у знаменитаго писателя Николая Константиновича Михайловскаго, нынѣ покойнаго (онъ умеръ въ 1904 г.). При помощи Михайловскаго письмо и было написано. Мы его заимствуемъ изъ мартовской книжки журнала „Былое“ за 1906 годъ.

Вотъ что писалъ, исполнительный комитетъ „Народной Воли“:

„Ваше Величество!

„Вполнѣ понимая то тягостное настроеніе, которое Вы испытываете въ настоящія минуты, Исполнительный Комитетъ не считаетъ, однако, себя въ правѣ поддаваться чувству естественной деликатности, требующей, можетъ быть, для нижеслѣдующаго объясненія, выждать нѣкоторое время. Есть нѣчто высшее, чѣмъ самыя законныя чувства человѣка: это долгъ передъ родной страной, долгъ, которому гражданинъ принужденъ жертвовать и собой, и своими чувствами, и даже чувствами другихъ людей. Повинуясь этой все-сильной обязанности, мы рѣшаемся обратиться къ Вамъ немедленно, ничего не выжидая, такъ какъ не ждуть тотъ историческій процессъ, который грозитъ намъ въ будущемъ рѣками крови и самыми тяжелыми потрясеніями.

„Кровавая трагедія, разыгравшаяся на Екатерининскомъ каналѣ, не была случайностью и ни для кого не была неожиданной. Послѣ всего происшедшаго втеченіе послѣдняго десятилѣтія, она явилась совершенно неизбѣжной, и въ этомъ ея глубокой смыслъ, который обязанъ понять человѣкъ, поставленный судьбою во главѣ правительственной власти. Объяснять подобные факты злоумышленіемъ отдѣльныхъ личностей или хотя-бы „шайки“,—можетъ только человѣкъ, совершенно неспособный анализировать жизнь народовъ. Втеченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ мы видимъ, какъ у насъ, несмотря на самыя строгія преслѣдованія, не смотря на то, что правительство покойнаго императора жертвовало всѣмъ—свободой, интересами всѣхъ классовъ, интересами промышленности, и даже собственнымъ достоинствомъ—безусловно всѣмъ жертвовало для подавленія революціоннаго движенія, оно все-таки упорно разрасталось, привлекая къ себѣ лучшіе элементы страны, самыхъ энергичныхъ и самоотверженныхъ людей Россіи, и вотъ уже три года вступило въ отчаянную, партизанскую войну съ правительствомъ. 5*

„Вы знаете, Ваше Величество, что правительство покойнаго Императора нельзя обвинять въ недостатокѣ энергіи. У насъ вѣшали и праваго и виноватаго, тюрьмы и отдаленныя губерніи переполнялись ссыльными. Цѣлые десятки такъ называемыхъ „вожаковъ“ переловлены, перевѣшаны: они гибли съ мужествомъ и спокойствіемъ мучениковъ, но движеніе не прекращалось, оно безостановочно росло и крѣпло.

„Да, Ваше Величество, революціонное движеніе не такое дѣло, которое зависитъ отъ отдѣльныхъ личностей. Это процессъ народнаго организма, и висѣлицы, воздвигаемыя для наиболѣе энергичныхъ выразителей этого процесса, такъ же безсильны спасти отживающій порядокъ, какъ крестная смерть Спасителя не спасла развратившійся античный міръ отъ торжества реформирующаго христіанства.

„Правительство, конечно, можетъ еще переловить и перевѣшать многое множество отдѣльныхъ личностей. Оно можетъ разрушить множество отдѣльныхъ революціонныхъ группъ. Допустимъ, что оно разрушитъ даже самую серьезную изъ существующихъ революціонныхъ организацій. Но вѣдь все это нисколько не измѣнитъ положенія вещей. Революціонеровъ создаютъ обстоятельства, всеобщее неудовольствіе народа, стремленіе Россіи къ новымъ общественнымъ формамъ. Весь народъ истребить нельзя, нельзя и уничтожить его неудовольство посредствомъ репрессалій: неудовольствіе, напротивъ, растетъ отъ этого. Поэтому на смѣну истребляемыхъ постепенно выдвигаются изъ народа все въ большемъ количествѣ новыя личности, еще болѣе озлобленныя, еще болѣе энергичныя. Эти личности въ интересахъ борьбы, разумѣется, организуются, имѣя уже готовый опытъ своихъ предшественниковъ; поэтому революціонная организація съ теченіемъ времени должна усиливаться и количественно, и качественно. Это мы видимъ въ дѣйствительности за послѣднія 10 лѣтъ.

„Какую пользу принесла гибель Долгушинцевъ, Чайковцевъ, дѣятелей 74 года? На смѣну ихъ выступили гораздо болѣе рѣшительные народники. Страшныя правительственныя репрессаліи вызвали затѣмъ на сцену террористовъ 78—79 гг. Напрасно правительство истребляло Ковальскихъ, Дубровиныхъ, Осинскихъ, Лизогубовъ. Напрасно оно разрушало десятки революціонныхъ кружковъ. Изъ этихъ несовершенныхъ организацій, путемъ естественнаго подбора, вырабатываются только болѣе крѣпкія формы. Появляется, наконецъ, Исполнительный Комитетъ, съ которымъ правительство до сихъ поръ не въ состояніи справиться

„Окидывая безпристрастнымъ взглядомъ пережитое нами тяжелое десятилѣтіе, можно безошибочно предсказать дальнѣйшій ходъ дви-

женія, если только политика правительства не измѣнится. Движеніе должно расти, увеличиваться, факты террористическаго характера повторяться все болѣе обостренно: революціонная организація будетъ выдвигать на мѣсто истребляемыхъ группъ все болѣе и болѣе совершенныя, крѣпкія формы. Общее количество недовольныхъ въ странѣ между тѣмъ увеличивается; довѣріе къ правительству въ народѣ должно все болѣе падать, мысль о революціи, о ея возможности и неизбежности—все прочнѣе будетъ развиваться въ Россіи. Страшный взрывъ, кровавая перетасовка, судорожное революціонное потрясеніе всей Россіи завершить этотъ процессъ разрушенія стараго порядка.

Чѣмъ вызывается, обуславливается эта страшная переспектива? Да, Ваше Величество, страшная и печальная. Не примите это за фразу. Мы лучше, чѣмъ кто-либо другой, понимаемъ, какъ печальна гибель столькихъ талантовъ, такой энергіи — на дѣлѣ разрушенія, въ кровавыхъ схваткахъ, въ то время, какъ эти силы, при другихъ условіяхъ, могли бы быть потрачены непосредственно на созидательную работу, на развитіе народа, его ума, благосостоянія, его гражданскаго общежитія. Отчего же происходитъ эта печальная необходимость кровавой борьбы?

„Оттого, Ваше Величество, что теперь у насъ настоящаго правительства, въ истинномъ его смыслѣ, не существуетъ. Правительство, по своему принципу, должно только выражать Народныя стремленія, только осуществлять Народную волю. Между тѣмъ у насъ—извините за выраженіе—правительство выродилось въ чистую камарилью и заслуживаетъ названія узурпаторской шайки гораздо болѣе, чѣмъ Исполнительный Комитетъ.

„Каковы бы ни были намѣренія государя, но дѣйствія правительства не имѣютъ ничего общаго съ народной пользой и стремленіями. Императорское правительство подчинило народъ крѣпостному праву, отдало массы во власть дворянству; въ настоящее время оно открыто создаетъ самый вредный классъ спекулянтовъ и барышниковъ. Всѣ реформы его приводятъ лишь къ тому, что народъ впадаетъ все въ большее рабство, все болѣе эксплуатируется. Оно довело Россію до того, что въ настоящее время народныя массы находятся въ состояніи полной нищеты и разоренія, не свободны отъ самаго обиднаго надзора даже у своего домашняго очага; не властны даже въ своихъ мірскихъ, общественныхъ дѣлахъ. Покровительствомъ закона и правительства пользуется только хищникъ, эксплуататоръ; самые возмутительные грабежи остаются безъ наказанія. Но зато какая страшная судьба ждетъ человѣка, искренно помышляющаго объ общей пользѣ. Вы знаете хорошо, Ваше Вели-

чество, что не однихъ социалистовъ ссылають и преслѣдуютъ. Что же такое—правительство, охраняющее подобный „порядокъ“! Неужели это не шайка, неужели это не проявленіе полной узурпаціи?

„Вотъ почему русское правительство не имѣетъ никакого нравственнаго вліянія, никакой опоры въ народѣ; вотъ почему Россія порождаетъ столько революціонеровъ; вотъ почему даже такой фактъ, какъ царевубійство, вызываетъ въ огромной части населенія—радость и сочувствіе! Да, Ваше Величество, не обманывайте себя отзывами льстецовъ и прислужниковъ. Царевубійство въ Россіи очень популярно.

„Изъ такого положенія можетъ быть два выхода: или революція, совершенно неизбѣжная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или—добровольное обращеніе Верховной Власти къ народу. Въ интересахъ родной страны, во избѣжаніе напрасной гибели силъ, во избѣжаніе тѣхъ самыхъ страшныхъ бѣдствій, которыя всегда сопровождаютъ революцію, Исполнительный Комитетъ обращается къ Вашему Величеству съ совѣтомъ избрать второй путь.

Вѣрьте, что, какъ только Верховная Власть перестанетъ быть произвольной, какъ только она твердо рѣшится осуществлять лишь требованія народнаго сознанія и совѣсти,—Вы можете смѣло прогнать позорящихъ правительство шпионовъ, отослать конвойныхъ въ казармы и сжечь развращающія народъ висѣлицы. Исполнительный Комитетъ самъ прекратитъ свою дѣятельность, и организованныя вокругъ него силы разойдутся для того, чтобы посвятить себя культурной работѣ на благо родного народа. Мирная идейная борьба смѣнитъ насиліе, которое противно намъ болѣе, чѣмъ Вашимъ слугамъ, и которое практикуется нами только изъ печальной необходимости.

Мы обращаемся къ Вамъ, отбросивши всякія предубѣжденія, подавивши то недовѣріе, которое создала вѣковая дѣятельность правительства. Мы забываемъ, что Вы представитель той власти, которая только обманывала народъ, сдѣлала ему столько зла. Обращаемся къ Вамъ, какъ къ гражданину и честному человѣку. Надѣемся, что чувство личнаго озлобленія не заглушитъ въ Васъ сознанія своихъ обязанностей и желанія знать истину. Озлобленіе можетъ быть и у насъ. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцовъ, но еще братьевъ, женъ, дѣтей, лучшихъ друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требуетъ благо Россіи. Ждемъ того же и отъ Васъ.

„Мы не ставимъ Вамъ условій. Пусть не шокируетъ Васъ наше предложеніе. Условія, которыя необходимы для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой, созданы не нами, а исторіей. Мы не ставимъ, а только напоминаемъ ихъ.

„Этихъ условій—по нашему мнѣнію два:

1) Общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени, такъ какъ это были не преступленія, но исполненіе гражданскаго долга.

2) Созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями.

„Считаемъ необходимымъ напомнить, однако, что легализаціи Верховной Власти народнымъ представительствомъ можетъ быть достигнута лишь тогда, если выборы будутъ произведены совершенно свободно. Поэтому выборы должны быть произведены при слѣдующей обстановкѣ:

1) Депутаты посылаются отъ всѣхъ классовъ и сословій безразлично, и пропорціонально числу жителей;

2) Никакихъ ограниченій ни для избирателей, ни для депутатовъ не должно быть;

3) Избирательная агитація и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно въ видѣ временной мѣры, впредь до разрѣшенія народнаго собранія, допустить:

а) полную свободу печати,

б) полную свободу слова,

в) полную свободу сходовъ,

г) полную свободу избирательныхъ программъ.

„Вотъ единственное средство къ возвращенію Россіи на путь правильнаго и мирнаго развитія. Заявляемъ торжественно, предъ лицомъ родной страны и всего міра, что наша партія съ своей стороны безусловно подчинится рѣшенію Народнаго Собранія, избраннаго при соблюденіи вышеизложенныхъ условій, и не позволитъ себѣ впредь никакого насильственнаго противодѣйствія правительству, санкціонированному Народнымъ Собраніемъ.

„Итакъ, Ваше Величество—рѣшайте. Передъ Вами два пути. Отъ Васъ зависитъ выборъ. Мы же затѣмъ можемъ только просить судьбу, чтобы Вашъ разумъ и совѣсть подсказали Вамъ рѣшеніе единственно сообразное съ благомъ Россіи, съ Вашимъ собственнымъ достоинствомъ и обязанностями передъ родною страной.

Исполнительный Комитетъ. 1 марта, 1881 г.⁴

Новый государь немедленно отмѣнилъ лорисъ-меликовскую конституцію. Онъ объявилъ, что самодержавіе должно остаться неизмѣннымъ, и что никакого созыва представителей для участія въ обсужденіи законовъ допущено не будетъ. Далѣе государь заявилъ, что онъ, подобно родителю своему, не допуститъ передачи земли народу. Преслѣдовать народовольцевъ было поручено одному изъ самыхъ суровыхъ чиновниковъ—Вячеславу фонъ-Плеве. Для успокоенія же кре-

стьянъ, которые все продолжали ждать „прирѣзки“ и кое-гдѣ стали обнаруживать нетерпѣніе, правительство намѣтило рядъ особыхъ мѣръ. Крестьянамъ дано было обѣщаніе—„облегчить податное бремя“. И, дѣйствительно, послѣдовала отмена подушной подати. А такъ какъ одновременно были увеличены другіе налоги, то правительство ничего не потеряло, а доходъ казны даже увеличился. Было обѣщано, что правительство будетъ имѣть особое попеченіе о крестьянахъ и заботиться о приближеніи власти къ народу. Это обѣщаніе было, правда не скоро, но все же исполнено: для попеченія о крестьянахъ была учреждена особо близкая къ народу власть—земскіе начальники. Такимъ образомъ крестьяне получили близкую къ нимъ власть, а правительство вѣхъ деревенскихъ полиціймейстеровъ, которыхъ считалъ необходимыми еще Николай I. Наконецъ, правительство обѣщало, что оно будетъ заботиться о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія. И, дѣйствительно, былъ учрежденъ крестьянскій банкъ. Въ законѣ было написано, чтобы банкъ помогалъ крестьянамъ покупать землю. Далѣе правительство заявляло, что будетъ покупать для нихъ землю даже тогда, когда они объ этомъ не просятъ. И, дѣйствительно, банку было предоставлено давать крестьянамъ деньги на покупку земли и покупать землю на казенный счетъ для распродажи крестьянамъ. Рядомъ съ крестьянскимъ банкомъ былъ учрежденъ „комитетъ по сохраненію дворянскаго землевладѣнія“. И управленіе банкомъ, который устроенъ для покупки земли крестьянамъ, было передано дворянамъ.

Любопытно, что первыми пожелали наградить крестьянъ землею высшіе сановники, а въ ихъ числѣ даже самъ предсѣдатель комитета по сохраненію дворянскаго землевладѣнія.

Къ сожалѣнію, цѣна, которую сталъ платить банкъ, оказалась такъ несообразна, что среди крестьянъ совершенно не нашлось охотниковъ платить ее. Чтобы окончательно облагодѣтельствовать крестьянъ, банкъ покупалъ у сановниковъ не только землю, но и зеркала, картины, старую мебель, рояли, портреты... За все это сановники, конечно, получали наличныя деньги изъ казны.

Кромѣ того, для покупки земли черезъ банкъ стали возникать такъ называемыя крестьянскія товарищества. Были товарищества настоящія. Но были и особыя товарищества, кое-гдѣ прозванныя мыльными. Обыкновенно дѣло складывалось такъ. Какой-либо помѣщикъ желалъ продать имѣніе. Для покупки возникаетъ Богъ вѣсть откуда товарищество. Оно обращается въ банкъ и увѣряетъ, что земля сторгована, положимъ, по 102 рубля за десятину. Оцѣнщикъ признаетъ цѣну правильной. Банкъ назначаетъ ссуду,—положимъ по 85 рублей за десятину. Помѣщикъ получаетъ деньги. „Товарищи“

потихоньку вырубають лѣсъ. И затѣмъ исчезаютъ. Земля же остается банку. Несомнѣнно, что банкъ помогаль крестьянамъ покупать землю. Но вотъ что замѣчательно: они безъ банка покупали землю гораздо дешевле, чѣмъ черезъ банкъ. Напр., въ Харьковской губерніи въ 1893 году крестьяне платили въ среднемъ по 83 рубля за десятину, а крестьяне, покупавшіе черезъ банкъ, платили въ среднемъ 102 рубля. Въ Курской губерніи въ томъ же 1893 г. цѣны были такія: если помимо банка, то 96 р. десятина, а если черезъ банкъ — 135 р. Въ Бессарабской губерніи опять-таки въ 1893 г.: помимо банка 62 р., а черезъ банкъ 142 р. Въ Саратовской губерніи въ 1894 г.: помимо банка 49 р., а черезъ банкъ 65 р.; въ Полтавской губерніи въ 1901 г.: помимо банка 155 р., черезъ банкъ 191 руб. Въ Черниговской губерніи въ 1900 году: помимо банка 86 р., а черезъ банкъ 108 р. Въ Кіевской губ. въ 1902 г.: помимо банка 129 р. за десятину, а черезъ банкъ 172 р.

Такимъ образомъ, при помощи крестьянскаго банка правительству удалось разрѣшить такъ называемый „вопросъ о дворянскомъ оскудѣніи“. На оскудѣніе дворяне жаловались еще при Александрѣ II. Дохода съ земли имъ не хватало на прожитіе. И вотъ, когда открылся крестьянскій банкъ, то онъ своими весьма щедрыми оцѣнками сильно вздулъ цѣну на землю. Такъ, гдѣ при открытіи банка десятина стоила 40—50 р., цѣна въ короткое время поднялась до 150—200 р. А это помогло помѣщикамъ поднять арендныя цѣны. Гдѣ прежде крестьяне платили аренды 4—5 руб. за десятину, тамъ теперь платятъ 20—25 р. Какое произошло измѣненіе, объясню на примѣрѣ. Положимъ, у какого-либо помѣщика Шигалинскаго 3000 десятинъ. Треть ходила въ арендѣ. Шигалинскій получалъ отъ крестьянъ за это 4,000 р. въ годъ. А такъ какъ онъ привыкъ жить широко, то ему этихъ денегъ не хватало. Въ концѣ-концовъ онъ запутался бы въ долгахъ. Его земля неминуемо перешла бы въ другія руки и притомъ не дороже, какъ за 100—120 тысячъ рублей. Но вотъ на помощь Шигалинскому пришелъ крестьянскій банкъ. Банкъ взвинтилъ цѣны. Шигалинскій назначилъ арендную цѣну по 20 р. И, слѣдовательно, получаетъ уже не 4000 р. въ годъ, какъ прежде, а 20,000 р. Этого ему вполне достаточно. Онъ не только не дѣлаетъ новыхъ долговъ, а, наоборотъ, понемножку уплачиваетъ долги прежніе. И такимъ образомъ, благодаря крестьянскому банку, онъ сохранилъ имѣніе въ своихъ рукахъ. Вотъ почему предсѣдатель комитета по сохраненію дворянскаго землевладѣнія поступилъ умно, продавши свокъ „вотчину“ крестьянскому банку. Крестьянскій банкъ, дѣйствительно, помогъ сохранить дворянское землевладѣніе.

Вячеславу фонъ-Плеве и его ученику Петру Дурново удалось истребить партію Народной Воли. Правда, пришлось прекратить дѣйствіе многихъ законовъ, создать такъ называемыя „положенія „объ усиленной“ и „чрезвычайной охранѣ“; пришлось довести до небывалыхъ размѣровъ ссылку въ Сибирь безъ суда, „въ административномъ порядкѣ“. Но, во всякомъ случаѣ, терроръ противъ правительства почти прекратился. Государь Александръ III тихо умеръ въ 1894 г. 21 октября того же года на престолъ вступилъ Сынъ Его, нынѣ Царствующій Государь Императоръ Николай Александровичъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Начало революціи.

Прежде чѣмъ говорить о „революціи“, не лишне, пожалуй, выяснить, въ какомъ смыслѣ я употребляю это слово. Вообще революція есть рѣзкая замѣна старыхъ государственныхъ порядковъ новыми, о которыхъ прежде запрещалось говорить и думать. Черногорія, напримѣръ, была самодержавнымъ государствомъ; и если бы какой-либо черногорецъ хотѣлъ добиться народнаго представительства, то судъ обязанъ былъ наказать его, какъ государственнаго преступника. Законъ, запрещавшій стремиться къ перемѣнѣ государственнаго строя, оставался въ полной силѣ. Но въ 1906 году князь Николай Черногорскій нарушилъ этотъ законъ, отмѣнилъ самодержавіе и ввелъ народное представительство. По прежнимъ законамъ надо бы князя судить за это, какъ государственнаго преступника. Но, конечно, его никто не судилъ. Прежній законъ сразу потерялъ силу. А князь Николай, и безъ того любимый народомъ за свои заслуги передъ родиной, послѣ добровольнаго отказа отъ самодержавной власти сдѣлался по истинѣ народнымъ героемъ.

Въ этомъ и смыслъ революціи: надо рѣзко нарушить законы, чтобы измѣнить государственный строй. Вотъ почему англичане, между прочимъ, увѣрены, что у нихъ теперь не можетъ быть революціи, ибо въ Англии законы таковы, что для перемѣны порядка правленія ихъ не надо нарушать: ниспроверженіе одного государственнаго строя и замѣна его другимъ можетъ быть легко устроена законнымъ порядкомъ—путемъ простаго голосованія.

Примѣръ Черногоріи показываетъ, что революція можетъ быть совершена мирнымъ порядкомъ, безъ борьбы, безъ братоубійства и кровопролитія. Такимъ же мирнымъ порядкомъ революція совершалась въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, гдѣ правительства добровольно соглашались замѣнить самодержавіе народнымъ пред-

ставительствомъ, а самовластное чиновничье управление—управленіемъ законнымъ, конституціоннымъ. Наоборотъ, въ Китаѣ, напр., императрица согласилась ввести конституцію послѣ нѣкоторой, хотя и не ожесточенной борьбы. Въ 1906 г. персидскій шахъ согласился отказаться отъ самодержавія, послѣ кратковременныхъ народныхъ волненій. Въ Англіи же борьба противъ самодержавія велась нѣсколько столѣтій и привела къ тому, что одинъ изъ королей былъ казненъ. Во Франціи революція не сумѣла обойтись безъ казни короля Людовика 16-го. Въ Россіи для даннаго времени резолюція сводится къ замѣнѣ самодержавія народнымъ представительствомъ. И долго всѣ усилія направлялись къ тому, чтобы она совершилась мирно, безъ кровопролитія и братоубійства.

Тотчасъ по вступленіи нынѣ царствующаго Государя на престолъ къ нему обратилось съ адресомъ тверское земство; въ адресѣ было сказано, что необходимо ввести конституцію. Правительство очень не одобрило такого заявленія. Тверскіе земцы подверглись суровымъ наказаніямъ. Слова ихъ о конституціи были названы „безсмысленными мечтаніями“. Для сохраненія самодержавія были усилены строгости и ссылки. Но они не долго помогали. Скоро возобновились покушенія на разныхъ сановниковъ, которые особенно противились введенію конституціи. Въ 1901 году былъ смертельно раненъ министръ народнаго просвѣщенія Боголѣповъ. Въ 1902 году убитъ министръ внутреннихъ дѣлъ Сипягинъ. Вновь возникшая партія социалистовъ-революціонеровъ рѣшила продолжать дѣло Народной Воли. Въ виду этого были вручены чрезвычайныя права Вячеславу фонъ-Плеве, который уже прославился истребленіемъ народовольцевъ.

Назначенный на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, Вячеславъ фонъ-Плеве горячо принялся за работу. Говорятъ, при Александрѣ III-емъ было сослано въ Сибирь безъ суда около 7 тысячъ человекъ. Теперь онъ сослалъ около 70 тысячъ. Раньше бороться противъ сторонниковъ конституціи много помогало натравливаніе одной части народа на другую и въ особенности еврейскіе погромы послѣ 1 марта 1881 г. Теперь и это средство было пущено въ ходъ въ удесятеренномъ противъ прежняго размѣрѣ. Былъ устроенъ погромъ въ Кишиневѣ. По городамъ началось образованіе погромныхъ шаекъ, которыя были названы потомъ черносотенными шайками. Мѣрами полиціи удалось натравить на Кавказѣ татаръ на армянъ и разжечь между этими двумя народами непримиримую вражду.

Наконецъ, Вячеславъ фонъ-Плеве совѣтовалъ начать войну съ японцами, при чемъ, по словамъ его друга князя Мещерскаго, издателя газеты «Гражданинъ» и «Дружескія Рѣчи», фонъ-Плеве убѣждалъ, что война поможетъ отвлечь вниманіе народа отъ внут-

реннихъ дѣлъ. Война была начата. Но вниманіе народа отъ внутреннихъ дѣлъ не отвлеклось. 15 іюля 1904 года фопъ-Плеве былъ убитъ социалистомъ-революціонеромъ Сазоновымъ.

Черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ этого петербургскіе рабочіе рѣшили, по примѣру тверскихъ земцевъ, обратиться лично къ Государю Императору и колѣнопреклоненно просить Его о введеніи конституціи. Съ рабочими правительство поступило еще суровѣе, нежели съ земцами: ихъ велѣно было разстрѣлять, и 9 января 1905 года улицы Петербурга были залиты кровью и покрыты трупами. Но и это не помогло. Помимо забастовокъ и крестьянскихъ бунтовъ, усилилась дѣятельность социалистовъ-революціонеровъ. Начались покушенія на особу Императорской Фамиліи. Социалистомъ-революціонеромъ Каляевымъ 4 февраля 1905 г. былъ убитъ Дядя Государя Сергій Александровичъ.

18 февраля 1905 г. Государь, наконецъ, согласился созвать «выборныхъ людей». А 6 августа того же года было опубликовано такъ называемое «Положеніе о Государственной думѣ», во многомъ напоминающее «конституцію Лорисъ-Меликова». Это была все та же неудачная конституція, противъ которой возстали еще народовольцы. На этотъ разъ дѣло окончилось возстаніемъ. Послѣ 6 августа начались забастовки въ разныхъ городахъ, въ октябрѣ забастовка стала всеобщей, всероссійской. Въ виду такой «неслыханной смуты» Государь издалъ манифестъ 17 октября, въ которомъ было обѣщано, что, во-первыхъ, отнынѣ не будетъ издавано одного закона безъ согласія государственной думы, во вторыхъ, государственной думѣ предоставлено право слѣдить за чиновниками и министрами, и въ-третьихъ, что Государь возложилъ на министровъ «обезпечить населенію свободу совѣсти, свободу слова (и печати), собраній союзовъ» Иначе говоря, Государь Императоръ далъ согласіе произвести революцію. И оставалось лишь ее сдѣлать, т. е. не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ замѣнить самовластное чиновничье правленіе народнымъ представительствомъ.

Словомъ, манифестъ 17 октября могъ бы успокоить „смуту“. Но одновременно съ нимъ изъ Петербурга послѣдовали какія-то таинственныя «распоряженія», которыми бывший одесскій градоначальникъ Нейдгардтъ объяснялъ свое сочувственное отношеніе къ ужасному черносотенному погрому въ Одессѣ 18, 19 и 20 октября. Погромы вдругъ вспыхнули по всей Россіи. И благодаря имъ въ короткое время удалось уничтожить нѣсколько десятковъ тысячъ сторонниковъ конституціи. Вскорѣ затѣмъ на должность министра внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ ученикъ Вячеслава фонъ-Плеве Петръ Дурново. На этотъ разъ онъ превзошелъ своего учителя: по приблизительнымъ газетнымъ исчисленіямъ, онъ въ теченіе 6 мѣ-

сяцевъ истребилъ при помощи карательныхъ отрядовъ, сослалъ, заточилъ въ тюрьмы до 100 тысячъ человекъ.

Послѣ такого кровопусканія „смуту“ можно было считать обезсиленной. Повидимому, Петръ Дурново и предсѣдатель совѣта министровъ графъ Витте на это именно и рассчитывали. Вопреки манифесту 17 октября, былъ изданъ рядъ очень важныхъ законовъ. Отмѣтимъ только нѣкоторые изъ ихъ:

1) Законъ о госуластvenномъ совѣтѣ, которому предоставлено отмѣнять рѣшенія Государственной Думы.

2) Думѣ было запрещено касаться удѣльныхъ и кабинетскихъ законовъ, а равно и всѣхъ вообще правъ и преимуществъ Императорской Фамили;

3) Дума была обязана отпустить изъ казны на содержаніе Императорской Фамили не меньше того, сколько опредѣлено смѣтою государственныхъ расходовъ на 1906 годъ.

4) Министрамъ была предоставлена полная возможность собирать налоги, расходовать казенныя деньги, набирать рекрутовъ безъ согласія Государственной Думы.

Всѣ эти законы были объявлены „основными“. Думѣ было запрещено касаться ихъ. Такимъ образомъ манифестъ 17 октября былъ въ сущности отмѣненъ.

Однако, Дума собралась и съ 27 апрѣля 1906 года открыла свои засѣданія. Она съ самаго начала заявила, что необходимо дать крестьянамъ землю, и что для этого необходимо отобрать земли кабинетскія, удѣльныя, помѣщичьи, монастырскія и церковныя. При чемъ всѣ члены Думы единодушно высказались, что кабинетскія и удѣльныя земли должны быть отобраны и переданы народу бесплатно, а на счетъ помѣщичьихъ большинство членовъ склонялось къ тому мнѣнію, что за нихъ надо изъ казны заплатить нынѣшнимъ владѣльцамъ вознагражденіе. Министры въ отвѣтъ на это заявили, что Государь такого закона объ отобраніи земель не допуститъ. Но это заявленіе вызвало во многихъ мѣстахъ крестьянскія волненія.

Становилось ясно, что если Дума постановитъ отобрать земли и передать крестьянамъ, то отмѣнить это постановленіе крестьяне не позволятъ. И на преемника Петра Дурново, министра внутреннихъ дѣлъ Столыпина было возложено прекратить дѣйствіе Государственной Думы.

Столыпинъ приступилъ къ дѣлу очень осторожно. Втеченіе нѣсколькихъ дней онъ наполнилъ Петербургъ войсками, тщательно скрывая, зачѣмъ они нужны. Чтобъ окончательно успокоить депутатовъ, онъ 7 іюля заявилъ, что будетъ въ понедѣльникъ 10 іюля въ Думѣ и дастъ тамъ свои объясненія. Между тѣмъ, того же

7 іюля имъ было разослано губернаторамъ, градоначальникамъ слѣдующее секретное распоряженіе:

„Въ виду ожидаемаго съ ближайшихъ же дней возникновенія общихъ беспорядковъ, прошу немедленно распорядиться обысками и арестами руководителей революціонныхъ и желѣзнодорожныхъ, а также боевыхъ организацій и агитаторовъ среди войскъ, хранителей оружія и бомбъ съ передачей дѣль формальнымъ дознаніемъ, а если невозможно, то съ скорѣйшимъ примѣненіемъ административной высылки или представленіемъ о семъ особому совѣщанію. Кроме того необходимо сейчасъ же принять всѣ мѣры къ охраненію правительственныхъ и желѣзнодорожныхъ сооруженій, телеграфовъ, банковъ, тюремъ, складовъ и магазиновъ оружія и взрывчатыхъ веществъ, въ особенности узловыхъ станцій, предупредивъ телеграфныя сношенія агитаторовъ между собою и поступивъ въ полную готовность охраны поѣзда.

„Если замѣтите, что телеграфъ въ рукахъ мятежниковъ, то предпочтительно закрыть его вовсе. На случай перерыва телеграфа и телефона обезпечьте заранѣе способы сношенія между органами власти, хотя бы при помощи частныхъ лицъ; затребуйте словесно отъ жандармскихъ начальниковъ свѣдѣнія о воинскихъ частяхъ, зараженныхъ пропагандой, для соображеній въ распредѣленіи охраны, имѣя въ виду, что революціонеры рассчитываютъ на выдachu имъ солдатами оружія.

„Примите дѣйствительныя и твердыя мѣры обузданія печати закрытіемъ типографій и къ защитѣ помѣщичьихъ владѣній.

„Сообщите эти указанія немедленно начальникамъ жандармскихъ и желѣзнодорожныхъ управленій, требуя отъ нихъ агентурныхъ свѣдѣній даже во время волненій и ведя всѣ власти къ полному единенію, рѣшительному и мужественному исполненію долга, принявъ также другія, необходимыя по мѣстнымъ условіямъ предупреденія возникновенія беспорядковъ.

„Распоряженія эти должны дѣлаться безъ ссылки на эту депешу для устраненія паники. („Страна“).

„Повидимому, Столыпинъ ожидалъ, что роспускъ Думы вызоветъ возстаніе. И такъ какъ возставшіе стали бы дѣйствовать безъ предварительнаго уговора, то усмирить ихъ ничего не стоило бы, тѣмъ болѣе, что, вѣдь, у нихъ нѣтъ оружія. Наконецъ, всѣ приготовленія были закончены.

Въночь съ 8 на 9 іюля зданіе Государственной Думы было окружено войсками и полиціей, чтобы туда не допускать депутатовъ, а 9 іюля былъ опубликованъ указъ о роспускѣ Думы. Т. е. указъ этотъ исполненъ вопреки всѣмъ законамъ, раньше, чѣмъ опубликованъ; онъ не былъ

официально объявленъ Думѣ; вопреки закону, не былъ подписанъ министромъ, который отвѣчаетъ за его правильность. И кромѣ того, въ этомъ указѣ, вопреки закону, не были назначены выборы въ новую думу. Этотъ указъ, между прочимъ, обнаружилъ, до какой степени мѣстами все еще сильна вѣра въ правительство. Напримѣръ, житомирская газета „Волянъ“ передаетъ такой случай. Въ одномъ селѣ Волинской губерніи священникъ прочелъ въ церкви по приказанію начальства манифестъ о роспускѣ Думы. Подобно псковскимъ бунтовщикамъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, крестьяне не повѣрили, что этотъ манифестъ настоящій:

— Не можетъ того быть, — стали кричать они, — чтобы правительство Думу разогнало. Это ты намъ подложный манифестъ читаешь.

Заблужденіе крестьянъ оказалось такъ велико, что они рѣшили наказать священника за чтеніе „подложнаго манифеста“: прямо изъ церкви стали гнать его въ поле, а выгнавши, приказали:

— Не смѣй въ наше село возвращаться...

Часть этихъ „бунтовщиковъ“, не повѣрившихъ манифесту, уже сидятъ въ тюрьмѣ.

Вслѣдъ за роспускомъ Думы началась усиленная покупка крестьянскимъ банкомъ помѣщичьихъ земель, при чемъ банкъ платитъ продавцамъ процентными бумагами. За каждый же сторублевый листъ крестьянскаго банка казна обязуется выдавать ежегодно владѣльцу 6 рублей дохода. А въ августѣ вышелъ новый законъ, по которому 2 милліона десятинъ удѣльной земли также передается крестьянскому банку. По 19 августа одной помѣщичьей земли было скуплено банкомъ на 235 милліоновъ рублей, въ среднемъ по 126 рублей за десятину. А такъ какъ по банковскимъ свидѣтельствамъ назначено 6 процентовъ въ годъ, то, стало быть, помѣщики, продавшіе земли банку, будутъ получать ежегодно изъ казны за каждую десятину на кругъ около 7 р. 56 коп. дохода. А если исключить земли неудобныя и участки подъ паромъ, то дохода отъ каждой десятины, проданной банку, помѣщикъ будетъ получать не менѣе 10 руб. въ годъ. Такимъ образомъ, если событія пойдутъ, какъ предусмотрено Столыпинымъ, то получится слѣдующее.

Ежели новая Думас оберется, какъ назначено, 20 февраля 1907 г., то значительная часть дворянской земли уже перейдетъ къ крестьянскому банку, значительная часть удѣльной земли будетъ тамъ же. Прежняя Дума хотѣла отобрать удѣльную землю бесплатно. Новой же думѣ придется просто платить удѣльному вѣдомству столько, сколько назначено банковскими оцѣнщиками. Прежняя Дума хотѣла отчудить помѣщичью землю, правда, за плату, но за такую, какая будетъ признана

правильною самой душой. Новымъ же членамъ Думы придется лишь заплатить помѣщикамъ ежегодные проценты съ той цѣны, какая назначена банковскими оцѣнщиками. А для этого, конечно, придется повышать налоги. Прежде удѣлы и дворянство владѣли прямо землею. Теперь они будутъ владѣть закладными листами крестьянскаго банка. Прежде крестьяне платили оброкъ, потомъ аренду прямо удѣламъ и помѣщикамъ. Теперь они будутъ платить тотъ же оброкъ и ту же аренду въ казначейство, а казначейство будетъ передавать помѣщикамъ. Напомню еще разъ, что собственно землею нельзя владѣть, какъ нельзя владѣть солнцемъ, воздухомъ, свѣтомъ. Владѣніе землею значить, что человѣкъ имѣетъ право брать въ свою пользу аренду. А на какомъ основаніи къ помѣщику поступить аренда: на томъ ли, что онъ называется владѣльцемъ земли, или на томъ, что ему принадлежать листы крестьянскаго банка,—въ этомъ, конечно, разницы нѣтъ. Поэтому нынѣшніе землевладѣльцы, получивши закладные листы крестьянскаго банка, останутся такими же въ сущности землевладѣльцами, какими были и раньше. Разница лишь въ томъ, что земля можетъ быть отчуждена и передана въ другія руки, а закладные листы, какъ и всякіе другіе денежные знаки, считаются не отчужденными.

Таково значеніе переворота, совершеннаго въ ночь съ 8 на 9 іюля. Теперь никто не мѣшаетъ правительству устраивать дѣло такъ, что аренда съ земли будетъ принадлежать тому, кто владѣетъ листами крестьянскаго банка. Если считать по нынѣшнимъ банковскимъ цѣнамъ — на кругъ по 126 рублей десятина, то получится слѣдующее.

Въ Европейской Россіи дворянской и купеческой земли 90 милліоновъ десятинъ. Обмѣнявши эту землю на свидѣтельства крестьянскаго банка, дворяне и купцы могутъ получать ежегодно изъ казны чистаго дохода 680 милліоновъ рублей.

Удѣльному вѣдомству принадлежитъ 8 милліоновъ десятинъ. Обмѣнявши эту землю на свидѣтельства крестьянскаго банка, удѣльное вѣдомство можетъ получать изъ государственнаго казначейства ежегодно чистаго дохода $60\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей.

Кабинету Его Величества принадлежитъ около 53 милліоновъ десятинъ. По обмѣнѣ этой земли на свидѣтельства банка кабинетъ можетъ получать ежегодно чистаго дохода $400\frac{1}{3}$ милліоновъ рублей.

Въ общемъ это составило бы до 1141 милліонъ руб. ежегоднаго налога т. е. на каждую душу по 8 р. 25 к. въ годъ. А на каждую семью о 5 душъ (отецъ, мать и трое дѣтей) по 41 р. 25 коп. налога въ годъ.

Книги А. Б. Петрищева:

Бернадогъ. Изданіе товарищества „Оріонъ“. Цѣна 50 коп.

Замѣтки учителя. Изданіе товарищества „Знаніе“. Цѣна 1 руб.

Церковь и школа. Изданіе товарищества „Русскаго Богатства“. Цѣна 15 коп.

Изъ исторіи русской школы. Изд. „Природы и Школы“. Цѣна 5 к.

Изъ исторіи кабаковъ въ Россіи. Изданіе „Природы и Школы“. Цѣна 5 коп.

Триста лѣтъ. (1606—1906). Изданіе Автора. Цѣна 20 коп.

Съ требованіями можно обращаться въ Главную Контору
журнала „Вѣсть“ — Петербургъ, 6 рота, 10.

(Адресъ для телеграммъ: Петербургъ. Вѣсть).

Гамъ же можно получить:

Комплектъ ж. „Вѣсть“ Цѣна 30 коп.
Комплектъ ж. „Шить“ Цѣна 50 коп.

Цѣна **25** коп.